

Кто-то должен. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://granikdaniel.ru/> Приятного чтения!

Кто-то должен. Даниил Александрович Гранин

Часть первая.

Разговор затягивался. Невозможно было толком понять, что нужно этому человеку. Прижав телефонную трубку плечом, Дробышев начал перед зеркалом вывязывать галстук. Новенькая рубашка, белая в черную полоску, сидела неплохо. На фоне этих полосок галстук выглядел, пожалуй, широковатым. Дробышев придирчиво осмотрел себя в зеркале. Там стоял крепкий, сравнительно молодой мужчина с пронизательно-серыми глазами, с высоким интеллектуальным лбом, исполненный радостью жизни и чувством ответственности. Дробышев подмигнул ему и перебил того в трубке:

– Позвольте, почему это я обязан?

Потом он наклонился к зеркалу, оскалил зубы, пригладил брови и снова перебил:

– Если вам нужен отзыв, обращайтесь обычным путем, через дирекцию института.

Тот тип в трубке продолжал что-то выкрикивать.

– Вам же лучше, – сказал Дробышев, – получите официальную бумагу.

– У меня этих бумаг завались! – заорал этот парень. – Бумаг у нас не жалеют. Я хотел с вами просто... То есть не я хотел... Но это не важно. Я понимаю, воскресный день, станете вы себя утруждать, чего ради. Ради какого-то горемыки. Ха-ха, еще настроение испортите.

Именно это и подумал Дробышев. Как раз про свое настроение.

– Вы угадали, – весело сказал он. – Воскресенье – святой день, потому прошу прощения...

– Не стесняйтесь. Можете повесить трубку. Я привык. Я ко всему привык.

Из желчного, занудливого просителя он превратился в обиженного. Он уже наступал на Дробышева. Скрипучий голос его зазвенел, как пила, наскочившая на сучок. Теперь Дробышев имел полное право положить трубку, на этом все бы и кончилось. Но, поступи он так, какой-то неприятный осадок остался бы. Он предпочитал заключить сам убийственно и галантно:

– Так вот, привычный ко всему товарищ Селянин, – так, кажется... Конечно, я понимаю, ваше открытие великое...

Но тут голос в трубке бесцеремонно остановил его:

– Минуточку... Да подождите вы... Ну что ты? – Это обращалось к кому-то другому. – А что мне с ним... я тебя предупреждал... – он даже не позаботился микрофон прикрыть, – ...а-а-а делай что хочешь.

– Послушайте, – сердито начал Дробышев, но в том-то и дело, что его никто не слушал, из трубки доносился шорох, чьи-то голоса. Положение Дробышева было глуповато; я бы не стала, честное слово, это так важно... – она торопилась, но ожидание, холодное любопытство, сарказм воспитанного человека...

Из кухни тянуло запахом жареного кофе, доносился смех, звякала посуда. Зина и дочери готовили завтрак.

Наконец в трубке приблизилось чье-то частое дыхание и вздрагивающий женский голос заговорил:

– Алло, Денис Семенович, извините, пожалуйста, вы не представляете, что с ним творится; ради бога, вы не обращайте внимания, его совсем замучили, я вас прошу – выслушайте его, вы один, кто может посоветовать, разрешите нам приехать, это ненадолго, я бы не стала, честное слово, это так важно... – она торопилась, но голос ее опадал, теряя надежду. – Я еле уговорила его, для нас это вопрос жизни,

Кто-то должен. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru у меня не хватает сил снова... я не могу больше, если б вы знали... – Слезы перехватили ей горло, и Дробышев не выдержал:

– Успокойтесь, да разве я... ладно, приезжайте... да хоть сейчас...

К завтраку были ленивые вареники, целая гора дымилась на расписном глиняном блюде. А блюдо стояло на красной, в шотландскую клетку, клеенке, которую Дробышев привез из Эдинбурга, где он выступал на конгрессе электрохимиков.

От девочек за столом, да и вообще на кухне, становилось тесно, шумно, и начиналась игра, в которой Дробышев прикидывался их сверстником, хохотал и пугался Зины. Старшая собиралась пойти на утренник; Дробышев хотел проводить ее, но тут он вспомнил про телефонный звонок, про эту странную чету и удивился тому, что мог клюнуть на дешевый трюк со слезами. Сейчас он уверял себя, что это трюк, потому что ему было жаль терять утренние часы и нарушать день, распланированный, казавшийся таким свободным, спокойным, с прогулкой и затем приятной работой над версткой своей статьи. Ночью ему пришло на ум сравнение традиционного метода измерения с густым деревом, всегда чувствующим ветер, и теперь Дробышеву не терпелось посмотреть, как это можно вставить...

Он пожаловался Зине. Она промолчала. Конечно, он сам виноват, расплачивайся за свою доброту, но посочувствовать она могла? Ну ничего, ничего, он выдаст этой парочке, угрожающе повторил Дробышев, настраивая себя на беспощадность.

– Напрасно ты так, – заметила Зина. – Если уж пошел людям навстречу, то сделай все по-хорошему. Все равно выслушаешь их.

Элементарная ее разумность обезоружила Дробышева. Зина часто смущала его не то чтобы практичностью, а тем, что практичность ее оказывалась человеческой и очевидной. Слишком часто в последнее время Зина оказывалась права, и это злило его.

Они были одногодки, вместе кончили институт, но Дробышев давно обогнал ее, защитил кандидатскую, сейчас оформлял докторскую и в свои тридцать восемь лет чувствовал себя совсем молодым, моложе, чем когда он монтером работал на подстанции. Он знал, что Зина гордится им и в то же время ревнует его к этой молодости. Она так и застряла расчетчиком. Вроде ничего ожидать от нее не приходилось, но дома он постоянно ощущал превосходство ее здравого смысла.

– А чем я могу помочь им? Ничем! – упрямо сказал он.

– А что им надо?

– Конечно, чтоб я помог. Протолкнуть какую-нибудь бредовую идею.

– А если не бредовую?

– Тем хуже. Опять, значит, занимайся чужими делами. Так, по-твоему? Я своего не успеваю... Ты прекрасно знаешь. Вечно ты впутываешь меня в какие-то истории.

Зина отошла к плите, заколдовала над кофейником; можно было представить ее уличающую улыбку. Было в ее терпении что-то материнское, и Дробышев успокоенно почувствовал себя взбалмошным, капризным, по сути, простофилей, не умеющим заботиться о себе, не умеющим отказывать. И кроме того, благородным и талантливым, которому за это все можно простить.

Селянины выглядели почти акробатической парой: она легкая, тоненькая, с напряженной застывшей улыбкой, он высоченный, костистый, длиннорукий. Не обратив внимания на приглашение Дробышева садиться, он зашагал по кабинету взад-вперед, отшлепывая мокрые следы на паркете, бесцеремонно оглядывая книги, аквариум, кактусы. Тонкие губы его кривились, он хмыкал и подергивал плечом.

Она беспокойно следила за ним. Она уселась на краешек дивана, зябко съежилась; казалось, она замерзла, хотя день был весенний, теплый.

Дробышев сел в свое кожаное кресло, спиной к окну, закинув ногу на ногу, показывая, что готов слушать.

Селянин продолжал молча ходить, разношенные ботинки его прихлупывали. Вызывающе он разглядывал кабинет, а может, делал вид, что разглядывал, болезненно-бледное лицо его дергалось в желчной усмешке. Он поджимал губы, всячески показывая, что не намерен нарушить молчание. Более невыгодно вести себя было трудно. В этом заключалось даже что-то любопытное.

Наверное, следовало подтолкнуть: «Итак, я вас слушаю» – что-нибудь в этом роде, но бес упрямства увлек Дробышева: ну-ну, давай резвись, посмотрим, кто кого перемолчит...

Он усмехнулся.

– Костя! – сказала женщина измученно.

Она была куда моложе мужа, лет двадцать пять-двадцать семь, довольно заурядная внешность: короткая стрижка, грубо раскрашенное личико, припухшие красные глаза – следы недавних слез.

Селянин резко взмахнул руками, как будто его дернули за какую-то ниточку, но, взглянув на жену, закивал, засуетился.

– Вот, полюбуйте, – он стал выгружать из папки бумаги, вырезки, рукописи. – Вот заключения. Акты комиссии. Рекомендуют. Предлагают. Два года прошло. Никого не интересует. Каждый откукарекал, а там хоть не рассветай.

– Простите, – Дробышев не притронулся к бумагам, – не знаю вашего имени-отчества...

Селянин подозрительно покосился на него.

– Константин, по батюшке Константинович. Я привык, что секретарша докладывает. Знаете, как они это делают, – он наклонился к Дробышеву, хихикнул, – пишут на листочке и кладут перед начальником, чтобы не затруднять их память. Поскольку визитных карточек у нас нет. Буржуазные предрассудки. Позвольте и супругу мою – Клавдия... Просто Клава. – Он чему-то усмехнулся. – Между прочим, монографию вашу я читал, весьма солидное сочинение, и я бы мог...

Дробышев предупреждающе поднял руку:

– Давайте сперва о ваших делах, Константин Константинович. Что вы хотите от меня?

– Я? – Селянин изобразил удивление. – Ничего не хочу. Ничего! – торжествующе возгласил он. – Это ее идея. Клава считает вас, так сказать, высшей инстанцией. Морально и технически.

– С чего вы это взяли... – укоризненно обратился Дробышев к Клаве, не требуя ответа.

Она вспыхнула. Зеленые глаза ее заблестели так мучительно, что Дробышев перевел взгляд ниже, на ее шею, фигуру.

– Во-первых, я давно, еще когда прочла статью в «Вечёрке»...

Глупейшая, развязная статья, его расписали так, что стыдно было перед знакомыми. И вот нате – оказывается, он для кого-то возник в таком елочном обличье, расцвеченный, приторный до изжоги. Самоотверженный Рыцарь Науки, Борец за Истину, Бескомпромиссный Защитник Нового – черт-те что, и теперь в глазах этой особы он именно такой. И глубокомысленная важность на его лице, его сдержанность, скромность – все из этого набора...

– Чуть, чуть! – сказал он как можно скромнее.

– И мне еще Щетинин говорил...

– Какой Щетинин? Журналист? Популяризатор?

Кто-то должен. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
Уловив его гримасу, она виновато кивнула, но тут вмешался Селянин:

– Я вам все объясню. Щетинин дал статью обо мне в «Огоньке», уже после всей этой истории с КБ.

Он говорил, убежденный, что Дробышев читал статью в «Огоньке», и слышал выступление по радио, и вообще он должен знать о Селянине, не может же он не знать, если это печаталось в центральной прессе и передавалось на Союз по первой программе.

– Вы уж простите, я человек темный, – поехидничал Дробышев. – Начну-ка я с азов. – Он взял описание разработки Селянина, перелистал вводную, нашел схему. Форсирование подзарядки аккумуляторов. Добавки... Асимметричный ток по свободной схеме...

– Понимаете разницу с обычными устройствами? Обратите внимание на токовую диаграмму. Вот этот участок... – нетерпеливо подсказывал Селянин. – В нем весь фокус. Вам самому, пожалуй, не разгадать, тут есть тонкости. Я ведь не просто ввожу добавки... Давайте я вам...

Поразительно, до чего этот человек умел восстанавливать против себя. Вроде бы естественная вещь – помочь разобраться в схеме, так ведь обязательно с подковыркой, и тон оскорбительно поучающий.

Дробышев прищурился, сказал, глядя на Клаву:

– А я-то думал сам одолеть. Поскольку я дробы проходил...

– Костя, ты мешаешь, – с неожиданной силой произнесла Клава, и лицо ее, освободясь от вымученной улыбки, стало жестким и необычным.

– Да нет, он мне не мешает, – небрежно сказал Дробышев, продолжая с интересом следить за ней. – Вы, Константин Константинович, пока что рассказывайте, в чем у вас конфликт.

– Каюсь, недооценил. – Селянин театрально раскланялся. – Видишь, Клава, я не мешаю. Денис Семенович, подобно Юлию Цезарю, может и слушать, и читать, и мыслить... Он все может.

Клава умоляюще посмотрела на Дробышева, и он смолчал. Самое лучшее, что он мог сделать, – выискать слабое место, ткнуть в него Селянина и покончить на этом. Щелкнуть его по носу. Изящно так, по всем правилам... Не бог весть какая разработка, а фанаберию сколько...

– История моя в некотором смысле типичная. Стереотип. Изобретатель, фигура для таких, как вы, поднадоевшая, их истории всегда повторяются. – Селянин наконец уселся, вытянул ноги и, перестав скоморошничать, перешел к делу. Эту часть рассказа он излагал затверженно, рекламнo-отработанными фразами.

Два года назад он предложил новую систему подзарядки. Она давала значительную экономию и, конечно, сулила полный переворот. Вскоре выяснилось, что над аналогичной темой работает конструкторское бюро, возглавляемое неким Брагиным. Разумеется, метод Селянина был лучше, проще, но попробуй тягаться с целым коллективом, тем более что первые испытания метода выявили всякие недостатки. Селянин попробовал добиться средств на постройку опытных моделей. Куда там. Докладные пересылают в КБ на заключение, и там, ясное дело, рубят под корень. Селянин опротестовывает, он требует комиссии. А кто в комиссии? Опять же – люди, связанные с КБ. Правда, попал туда профессор Чертков, и он, естественно, написал особое мнение – вот оно, – где высоко оценивает. Однако вскорости он умер. Селянин решил тайком, собственными силами изготовить установку, поскольку он начальник электроцеха и в его распоряжении есть некоторые средства. В это время его вызывает начальник КБ Брагин, вернее – бывший начальник, а ныне переведенный с повышением в главк, и этот Брагин предлагает сотрудничество. Схему можно продвинуть, доработать, конечно, придется взять Брагина в соавторы. Селянин отказывается, пишет министру. Опять комиссия. И тут обнаруживается, что Селянин использует служебное положение, незаконно строит опытную установку. Дирекции нагорело. Селянина сняли с начальника цеха. Он обжаловал в печать. Щетинин взялся за это дело и напечатал статью в «Огоньке». Но от этого только круче

Кто-то должен. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru завертелось. Дирекция обозлилась. Селянина зажали по всем правилам. Тем более что Брагин, несомненно, способствовал. У Брагина всюду связи. Куда только ни обращался Селянин – и в обком, и в профсоюзы, и в Комитет по технике, и в прочие комитеты. Чтобы вскрыть подоплеку этого дела, он теперь добивался разоблачения Брагина. И разоблачения дирекции. В профсоюзах и даже в комитетах сидят неспециалисты, они, как положено, направляют на отзыв, и рано или поздно все опять возвращается в тот же круг. Даже в Академии наук, напуганные Брагиным, уклоняются или же пишут что-то невразумительное...

Рассказ его от частого повторения выцвел, стерся, приобрел застарелую безнадежность. Дробышев слушал вполуха, отмечая про себя знакомые имена. Однако виду не подавал. Лицо его выражало скуку человека, давно знающего все наперед. Внутренне он развлекался, представляя фигуру Селянина в министерстве, в приемных кабинетах, где после его жалоб и угроз вызывают секретаршу и предупреждают, чтобы с этим параноиком даже по телефону не соединяли. Представлял этих непроницаемых, тертых ребят из Госкомитета, которые на второй минуте отфутболивали его невесть куда. Нелепые манеры Селянина в кабинетах президиума Академии со всем их церемониалом. Или, наконец, Селянин у зампреда. Как Селянин желчно оглядывал длинный полированный стол, белый пульт, кнопки, ковер... Как он фырчал... Кошмар. При таких манерах лучше вовсе не показываться на глаза. От личного появления он только проигрывал. Он раздражал, прямо-таки напрашивался на отказ. Конечно, от этого он пуще ожесточался. И сам цеплялся по всякому поводу. На каком-то активе его называли склочником или сутягой, он подал в суд за клевету. Кроме Брагина он уже привлекал к ответственности и тех, кто поддерживал Брагина, и свою дирекцию, и членов комиссии. Против него возбудили дело за злоупотребление по работе. То есть не возбудили, а «состряпали», потому что – разве он себе брал материал, ведь он опытный образец хотел сделать. Он обжаловал приговор, он обратился в прокуратуру, требовал сменить судью, на которого, несомненно, оказали давление...

– Ого, широкий фронт у вас образовался, – не вытерпел Дробышев.

– Еще бы. Они все связаны. Одна шайка-лейка. Я установил – никому нельзя спускать, иначе... – Он выразительно скрючил пальцы, вертанул, изображая, как сворачивают ему шею. – Им только дай почувствовать слабость. Наоборот, тут надо наступать! – Он помахал кулаком, заговорщицки зашептал: – Они ведь побаиваются! Никто из них не заботится о государственных интересах. Я знаю, я отвечаю за свои слова. – Он наклонился к Дробышеву. – Прихожу я, доказываю, убеждаю, а у него в глазах – как бы выскользнуть. С какой стати он будет вмешиваться? Зачем ему это нужно? Экономия? А что ему экономия, не его деньги экономят. Понимаете, ему не больно, ему и так неплохо.

– Кого вы имеете в виду? – строго спросил Дробышев.

– Многих. Это они топтали кибернетику, они запрещали социологию.

Дробышеву все меньше нравился этот разговор.

– Напрасно вы так, – предостерегающе произнес он. – Для чего же так обобщать!

Что и говорить, реплика была не из лучших, он уловил свой промах по тому, как злорадно закривлялся Селянин, как хлопнул с восторгом себя по коленям:

– Боже, до чего знакомо! Слыхала, Клава? Хоть бы интонацию обновили. Не ожидал. Уж вы-то, Денис Семенович, вы могли бы посмелее, самостоятельнее. Да разве я смею обобщать. Я, известное дело, – исключение! Печальное исключение на фоне бурного техпрогресса. Каждая гнусность у нас – исключение. А раз исключение – чего же беспокоиться?

Дробышев невозмутимо покачивал ногой. Оплошность становится оплошностью, когда в ней признаешься. Приподняв брови, Дробышев удалился в ледяные выси своего авторитета. Оттуда он взирал на этого злопыхателя с вдумчивостью астронома. Колкость, укусы, издевки не доходили до него. Сквозь прищур видно было, как Селянин выгибается, перекручивается, входя все больше в раж. Что-то чрезмерное было в его изгибаниях. Чувствовалось, что он гарцует, и не только перед Дробышевым, совсем нет. Тогда, значит, перед Клавой? Но чего ради?

– И все же вы обобщаете. Да это и понятно. Вам обидно пребывать в виде

Кто-то должен. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru исключения. – Безошибочно Дробышев избрал профессорский тон, самый невыносимый для Селянина. – Обвинять в своих неудачах систему – на это не нужно мужества: раз виновата система, то вы ни при чем.. – И, не давая Селянину возразить, он извлек из пачки бумагу со знакомой подписью. – Отзыв Кравцова. Вполне удовлетворительный. Вот видите. А вы всех под одну гребенку.

Селянин вскочил, воздел руки:

– Трус он! Предатель! Поначалу-то он хвалил. А когда я просил сравнить мою схему, оценить преимущества, он переметнулся. Поджал хвост! Брагина испугался?

Дробышев, смеясь, изобразил дребезжащим, сладким голоском:

– Дорогуша моя, увольте, я же чистый теоретик..

– Точно! – Селянин даже передернулся и тут же испытующе уставился на Дробышева: – А-а! Так вы его знаете.. Ну конечно, он мне тогда советовал пойти к вам. Правильно. Вы, дескать, более в курсе..

Перед Дробышевым возникло сдобное, румяное личико, седенькие щеточки усов, окающий говорок Кравцова, весь он, радостный, лучистый, – «попик», как называли его на кафедре. «Ай да попик, втянуть меня хотел, – весело подумал Дробышев. – Ах, какая гнида».

– Тэк, тэк, ко мне направлял, – повторил Дробышев. – Ну, а к Матиевичу вы не обращались?

– Как же. Но Матиевич отказался. Вообще отказался. Не захотел вмешиваться.

– Что ж, по-вашему, и Матиевич боится?

– Нет, зачем же, Матиевич не боится.. – Селянин, не кончив, замолчал.

Даже он не решился ничего плохого сказать о Матиевиче. Старик Матиевич был выше всяких подозрений. При всей своей вздорности, капризности он имел репутацию щепетильно честного. Бойцом он никогда не был, в последние годы, одряхлев, уединился, как отшельник, на своей даче, но по-прежнему слыл безгрешным верховным судьей..

– Вероятно, он из-за Щетинина, – подумав, сказал Дробышев. – Вы сами себе испортили.. Кому охота быть заодно с такими, как Щетинин.

– В моем положении выбирать не приходится, – запальчиво возразил Селянин. – Да, да. Чистоплюйство мне не по карману. Щетинин не испугался, написал..

– И что?.. – Дробышев тихо улыбнулся. – И что?

В который раз его кольнула зависть к старику Матиевичу. Вернул рукопись – не желаю вмешиваться – и конец. Не снизошел до оправданий. Другие оправдают. А не оправдают – тоже не беда, плевать ему. Но в том-то и дело, что оправдают, потому что кодекс Матиевича всем известен. Что бы там ни творилось, в любых ситуациях он живет по своему кодексу чести. Аристократ. Этакий столбовой дворянин. Сколько его помнит Дробышев, всегда в темно-серой тройке, роскошная палка, женщинам целует ручки, старинный перстень, французские словечки. Негнувшийся, скрипучий, как высохшее дерево. Конечно, не обличье делало его знаменитым, оно лишь обрамляло. И не работы. За последние годы он мало выдавал. Славу его составила безупречность репутации. Его суждения были эталоном честности. Федор Алексеевич Матиевич – один ФАМ, так молодые обозначали единицу научной щепетильности. Единица была стабильной, не менялась с годами. По этой шкале Дробышев набирал 0,7–0,8 ФАМа. Талант, работы, положение – всего этого Дробышеву хватало, добиться он мог чего угодно. Но кем бы он ни стал, какие бы звания ни приобрел, вряд ли он сумеет позволить себе то, что Матиевич. После войны, при обсуждении проекта электрохимического комбината, Матиевич выступил против, доказывая, что технология проекта устарела, копирует американскую, что нужно не догонять за границу, а идти собственным путем. Его пытались образумить, поскольку инициатива строительства исходила от министра, всесильного тогда человека.

Кто-то должен. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
– Нет уж, извините, в этом вопросе я понимаю больше его, – заявил Матиевич, и никакие уговоры, угрозы не могли заставить его отказаться от своего мнения.

Подобных легенд о нем ходило множество, и не поймешь, в чем тут был секрет, и как это старик позволял себе подобное, и почему его уважали и не трогали. На киевском симпозиуме Надеждин разлетелся к нему, протягивая руки. Матиевич – это случилось в кулуарах, толпа кругом – проскрипел: «К сожалению, единственное, что могу, это не подать вам руки». И все, Надеждину была хана. Несмотря на шум, который поднимал тогда Щетинин по поводу надеждинского двигателя. Казалось бы, чего легче – не подать руки. Поругаться – пожалуйста, это Дробышев мог, а вот чтобы на людях руки не подать – духу не хватает. И при этом никто не усомнился в праве Матиевича на такую немилость.

Забавно действует механика репутации. С годами человек как бы играет все меньшую роль в своей жизни. Уже сама сложившаяся репутация работает вместо него.

Тот же Щетинин еще до Надеждина прославился тем, что защищал материализм от Эйнштейна, от Бора, от Ландау, а два года спустя защищал Эйнштейна от идеализма и писал воспоминания о Ландау, выставляя себя закадычным его другом. Он травил Иоффе, потом славил Иоффе, он поддерживал, даже выискивал сомнительных новаторов. Трудно сказать, чем он руководствовался, то ли ущемленным самолюбием неудачного физика, то ли жаждой раздуть сенсацию. Его сторонились с брезгливой опаской. Считалось неприличным иметь с ним дело. Последнее время он изо всех сил пытался оправдаться, но уже не мог вырваться из своей репутации. Дробышеву легко было представить, как в институтах Академии рекомендовали Селянина – «тот самый, которого возносил Щетинин», «клевет Щетинина». Этого было достаточно, и мало кого уже интересовало, прав Селянин или не прав...

– ...лучше было, если б вас Щетинин обругал, – сказал Дробышев.

Селянин встал, руку в бок, вздернул голову:

– Я не политикан! Моя сила в истине! Мне нечего терять. Каждая чинимая мне несправедливость придает мне силы! Я как феникс...

Древнегреческий герой, трибун, народоволец – черт знает кого он изображал, поза его была невыносима в этой малогабаритной квартире.

Морщась, Дробышев покосился на Клаву. Отогревшись, она сидела, свободно раскинув руки по спинке дивана, глаза ее, оказывается, светло-зеленые, неспелые, замороженно следили за мужем. Ах вот перед кем красовался Селянин – перед ней, больше всего перед ней, – Дробышев начинал кое-что понимать.

Фалды затрепанного пиджака развевались, когда Селянин простирал свои длинные руки, заношенные до блеска брюки пузырились. Король, облаченный в жалкое рубище. Лишь бы не быть смешным. Что ему остается – разыгрывать мученика прогресса. Перед этой девочкой он бескомпромиссный борец, жертва своих принципов, обличитель пороков, вот он надувает грудь, шариковую ручку наперевес и бесстрашно мчитесь... Его не прельстишь вашими венгерскими креслами, люстрами, кактусами. Благополучные обыватели, приспособленцы – вот вы кто рядом с облаченным в рубище Селяниным – Рыцарем печального образа. Истекая кровью, он в одиночку сражается за Правду...

Было смешно и немного завидно. Дробышев подумал, что Зина никогда, во всяком случае давно, так не смотрела на него, снизу вверх, благоговейно, с отчаянной верой. У Зины постоянно подмешивалась некоторая ирония. Как бы она ни гордилась им, у нее всегда оставался запас превосходства, слишком знала она его сомнения, слабости, изнанку его успеха.

– ...У них один выход – плести интриги! Хунта! Брагин – хищник! Любыми способами, ему лишь бы наверх. – Селянин наклонился к Дробышеву. Зрочки его плясали. – Брагин, он свободен от совести. Поэтому ему так легко. Это вам не догматики. У тех хоть есть идея, а этот, я его насквозь... Можно доказать...

Дробышев мягко отстранил его:

– Может, не стоит?

– Чего не стоит?

– Заниматься мелодекламацией.

– Испугались? Не привыкли, чтобы такое и полным голосом. Ха! Рекомендую на всякий случай дать мне отпор. Отмежуйтесь. Чтобы иметь оправдание. Мало ли что, а вдруг спросят? Эх вы, боитесь, даже слушать боитесь.

Дробышев заставил себя улыбнуться:

– Да, видать, крепко наболело у вас.

Он правильно рассчитал: намек на сочувствие достаточно было, чтобы Селянин обмяк, доверчиво раскрылся.

– Вы бы знали! Порой хоть в петлю.. За что, спрашивается, меня так?.. За то, что я хочу дать государству лучшее.. Я из-за них дошел.. – Но, посмотрев на Дробышева, он запнулся, чутко свернул: – Форменные вредители. Они догадываются, что я раскусил их, они хотят доконать меня..

– Костя!

Селянин замер, тяжело дыша, изглоданное лицо его потно блестело, стиснутые кулаки дрожали.

«фанатик, маньяк, – подумал Дробышев, – дать ему волю, он ради своего, своей ерундовой идеи уничтожит кого угодно».

– Ужасно принципиальный вы человек, – сказал Дробышев. – И гнев ваш весьма благороден. Послушать вас – так вы на все готовы ради справедливости. Только все это бутафория. Все оттого, что ходу не дают вашей работе. А приняли бы ее, так ходили бы в обнимку с Брагиным. И нахваливали бы его и всех начальников.. – Он сам не ожидал от себя такой злости. Слишком хорошо он знал цену подобным демагогам. Дешевка. Хорош, как не полиняет. Он с удовольствием ошипывал этого вредного индюка. Пусть Клава увидит его без украшений, так сказать, в натуральном виде.

Вытянув шею, она напряженно следила за их схваткой. Глаза ее перебегали от одного к другому, сравнивая, и это сравнение подстрекало Дробышева. До сих пор он был зрителем, слушателем, судьей, теперь же, он чувствовал, ему хочется одолеть Селянина, выиграть, что-то возникло, натянулось между ним и Клавой, какие-то силовые линии.

Было, конечно, приятно ощущать крепость своих ударов, но дальше начиналась жестокость и женская жалость к поверженному.

С великодушием сильнейшего он отпустил Селянина:

– Давайте не будем топтать человечество из-за вашей мозоли.

Однако Селянин быстро пришел в себя, он потребовал «вернуться к существу», к своей разработке, к технической ее новизне, к слабостям схемы КБ. Он снова наскокивал на Дробышева – ну ужели тот не сумеет разобраться и оценить преимущества селянинской идеи.

Нет, Дробышев не хотел оценивать. Зачем? Чтобы Селянину легче было разделаться со своими врагами? И без того Селянин уже не думал о внедрении. Ему важно было лишь восторжествовать, во что бы то ни стало выиграть, сразить.. Поразительно, сколько злобы скопилось в этом человеке. И в то же время он упивался своим открытием. От гордости его заносило.

– Никому до меня в голову не приходило так использовать токовые характеристики. Вроде бы невероятно, да? Как всё гениальное. – На всякий случай он посмеивался и снова величественно хвалился. – Четырнадцать миллионов экономии дает, шутка ли. По самым скромным подсчетам! Любая капиталистическая фирма меня бы озолотила!

Он становился до скуки похожим на разного рода открывателей, которые появлялись

Кто-то должен. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru в институте. Присылали проекты новых двигателей. Раскрывали тайну шаровой молнии. В большинстве недоучки. Мечтатели, прожектеры, они с маху разрешали все противоречия теории элементарных частиц, создавали нестареющие аккумуляторы, элементы, заряжаемые от луны, от космических лучей, от газовой плиты... Авторы были назойливы и обидчивы. Неосторожный ответ вызывал у них поток жалоб. Приходили запросы, начинались телефонные звонки. Возражать всерьез было нельзя. Они охотно пересчитывали, требовали снова рассмотреть, «поскольку я учел ваши замечания», добивались открытой дискуссии.

Дробышева раздражал этот бредовый самотек. Подобная публика только мешала серьезным изобретениям. Современная наука развивалась не за счет самодеятельности и дилетантов. Открытия происходили в лабораториях, в коллективах, под опытным руководством, а не у надомников-любителей.

Однако Селянин не укладывался в эту категорию. Работа его была сырой, но профессиональной. И бахвальство имело кое-какое основание. Диффузионные ограничения снимались. Сам процесс заряда существенно менялся, уменьшалось время, по крайней мере для данного типа... Общий замысел, по-видимому, корректен. Возможно, тут влияют примеси, выбор диаграммы... Требовался тщательный анализ, как в шахматной партии – есть выигрыш или нет выигрыша.

Селянин наседал. Он старался вырвать у Дробышева хоть какое-то признание, именно сейчас, перед Клавой.

– ...Суть-то вы можете оценить? Это же не просто форсированный режим. Это же иной подход, верно? Я уверен, придется пересмотреть основы теории.

– Ну зачем так, – Дробышев снисходительно улыбнулся. – Уж сразу на основы замахиваться. Вам и без того справиться бы...

Воспаленные глаза Селянина догадливо заострились:

– В смысле не пробиться? Да? Не одолеть? Не ваша печаль... Вы свою собственную научную беспристрастность проявите...

Дробышев и виду не подал, кротко вздохнул, будто не слышал, будто думал над схемой. Было бы весьма приятно распушить, раздолбать все эти графики, кривые. С его опытом он мог это сделать убедительно; загореть при желании можно все, даже работающую установку. Трудно понять, что его останавливало.

– Не знаю, насколько подкреплены ваши выводы... Одно дело малые объемы, а другое – большие. Там все может пойти иначе... – осторожно добавил он, и это добавление встревожило Селянина. Он потребовал доказательств, он жаждал спора.

– То небольшое положительное, что есть в отзывах, – как бы размышлял вслух Дробышев, – весьма поверхностно...

– А Брагин? Брагин-то почувствовал. Иначе разве он стал бы... Выходит, Брагин для вас не авторитет? – уцепился Селянин.

Тут он попал в точку. Брагин всегда чуял. На чужие идеи у Брагина был верный нюх. Фактически он на этом выдвинулся. И ничего в этом не было плохого. Он отбирал надежное, практичное, что можно быстро внедрить. Но сейчас, когда Брагин хлопотал об организации института, ему хотелось блеснуть собственной серьезной работой. Поэтому-то он, наверное, и рискнул предложить Селянину соавторство. Наверное, называлось это сотрудничеством, и, наверное, действительно он помог бы...

Имя Брагина вызывало запах рыбы, ухи. Имелась почти жесткая связь: Брагин – уха – костер – комариный звон – Кравцов – розовые пластмассовые стопочки.

Кравцов тогда еще был крепок, и каждую весну устраивались знаменитые кравцовские рыбалки. Приезжал Брагин из Москвы, привозил водку экспортную, медальную, собиралась «школа Кравцова» – и закатывались дню на три на Вуоксу.

На третий год аспирантуры Дробышев впервые сподобился, был допущен. От выпитой водки, от близости больших людей он быстро ошалел. Каждый казался ему крупным

Кто-то должен. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru ученым. Еще бы, у всех степени, кафедры, книги; члены коллегии, ученых советов, каких-то президиумов. И запросто, в ватниках, драных кепочках, с ним чокаются, с Денисом Дробышевым, бывшим монтером. Кравцов тост за него произнес, да так, что Дробышева слеза прошибла, и вот ведь загадка психики – тут же, с этой самой слезой во взоре, попросил Брагина быть оппонентом. До сих пор по спине пробирает, как похолодели желтые глаза Брагина: «Вы что, сюда приехали делишки свои устраивать?» Мастак он на подобные повороты. А диссертацию все же взял и отзыв написал хороший. Не сам, конечно, писал. Это уж потом Дробышев узнал. Во всей этой физике-математике Брагин не тянул. Он лишь учуял в Дробышеве предстоящую, так сказать, фигуру. Дробышев понятия не имел, что его ждет, а Брагин небось вычислил, сэкстраполировал. Со временем Дробышев, конечно, прозрел. Эпоха переоценок и утраты иллюзий. Неловко вспоминать, до чего он был наивен. Правда, Брагин тоже за эти годы гибче стал, но, в общем и целом, это был прежде всего деляга. Циничный, беззастенчивый, энергичный и в чем-то наивный. Обсуждали очередную работу КБ. Дробышев выступал довольно критически. Брагин подсел к нему и стал выяснять, что случилось, – может, кто из работников КБ его обидел, может, кто-то наклепал, в чем дело? Послушав Дробышева, он печально сказал: «Темнишь ты, парень. Не хочешь признаваться».

Беда в том, что он развратил КБ на мелких, выгодных беспроектностью работах. Самое важное было выполнить в срок. Те, кто пытался углубиться, невольно задерживали, срывали план. Постепенно талантливая молодежь уходила, выдвигались аккуратные исполнители. Научный уровень падал, и Дробышев предвидел, что вскоре ему придется схватиться с Брагиным всерьез.

– ...И что же? – впамят его мыслям поинтересовался Селянин. – Вообще, интересно, как вы расцениваете Брагина? – Пистолетом наставил палец, вцепился глазами, будто следил за раздумьями Дробышева, будто слышал его мысли. Эта проницательность настораживала. Было в ней что-то опасное.

– Подождите. – Дробышев нахмурился над рукописью, потом задумчиво спросил: – Вы сейчас кем работаете?

– Я не работаю, я влачу, – подхватил Селянин с восторгом самоуничтожения. – Спускаюсь по той самой лестнице, по коей вы возносите. С начальника цеха на старшего, со старшего на сменного. Ниже некуда. Сменный инженер, то, с чего начинал. В нарушение всех законов. А что им закон. Звонок этого прохвоста Брагина сильнее закона.

Щеки, лоб Дробышева прохватило внезапным жаром.

– Послушайте, вы, на каком основании вы себе позволяете... Не вам судить Брагина! Что вы знаете о нем! Кто нашу электротехнику после войны поднимал! Кто внедрял новые зарядные агрегаты, кто осваивал сухие элементы! Таких организаторов поискать. При всех его недостатках. Это он, к вашему сведению, из развалин Харьковский завод восстановил. Стыдно так, походя, чернить, перечеркивать...

Он встал, прошелся поостыть. Знал бы Селянин, знала бы эта женщина всю меру его справедливости. Вот оно, истинное беспристрастие.

– ...Так с какой же формулировкой вас сняли?

– По болезни.

– Чем же вы больны?

Кончик носа Селянина стал краснеть, отделяясь от бледного, костлявого лица.

Мудреное латинское название, насколько уразумел Дробышев, означало психическое расстройство. Дважды, последний раз недавно, Селянин попал в больницу.

Так вот оно что – у Дробышева словно отлегло, все прояснилось. И как он сразу не догадался: псих. Обычайшее явление среди неудачников такого типа. Псих, шизик, милый ты мой, – он испытывал к нему почти нежность, – какой же спрос, если псих, можно не обижаться, не реагировать.

– Надо же, что ж вы так довели себя... – новым, нежно-докторским тоном сказал

Дробышев.

– Это меня довели.

– Нет, Костик, ты, конечно, себя перемучил, – не вытерпела Клава.

Они заспорили: он – виновато оправдываясь, она – с наболевшим упорством. Из ее напоминаний, упреков Дробышев узнал, как Селянин явился к ней на работу, в профилакторий, и выступил с речью «Кто украл у вас четырнадцать миллионов». Показывал там фотографии Брагина, Кравцова, Непишева.

– Непишева? – Дробышев расхохотался, свободно, благодушно, ибо отныне с Селянина не было никакого спросу.

– Смешного мало, представляете мое положение, – сказала Клава, передергиваясь от давнего стыда и испуга, – а потом он отправился в мединститут и стал объяснять студентам, сколько больниц можно построить на эти деньги.

– Ну а что, что мне было делать! – воскликнул Селянин, вскакивая с места, прижимая руки к груди. Что-то похожее на уважение к его нелепым поступкам шевельнулось у Дробышева. Но тотчас ему привиделось, как Селянин прокурорски обличает Брагина, Кравцова и, главное, Непишева, и он окончательно развеселился от этой балаганщины.

– Глупо, глупо, я понимаю. – Селянин наспех заискивающе улыбнулся Клаве. – Ну ничего, теперь я здоров. Им всем назло... – Он остановился и стал внимательно разглядывать Дробышева, как бы прислушиваясь. – А вы обрадовались? Все изменилось, да? Теперь вам можно меня расценивать иначе. Каждое мое слово... Я знаю, я замечал... – Он повертел пальцем у виска, диковато выпучил глаза и хихикнул. – Сумасшедший? Да, мне теперь стало труднее. Вот и наш разговор тоже по-другому пойдет... Вы сейчас начнете ласково увещевать... Потому что я ведь могу укусить...

Огромные черные зрачки его и впрямь казались безумными. Суетливые, размашистые жесты и задыхающаяся речь – все вдруг обрело какой-то сомнительный смысл.

Выбрав деловито-серьезный тон, Дробышев сказал:

– Ерунда, не обращайте внимания, ничего не изменилось, – но тут же подумал, что и эта деловитость разгадана Селяниным. На мгновение у него появилось гнусное ощущение: будто череп его стал прозрачным и Селянин видит, как там возникают, складываются мысли. Это было невероятно. Знал ли сам Селянин об этом? Дробышев смотрел ему в глаза и видел в темной пламени зрачков судорожную ухмылку.

– В конце концов, многие гениальные люди имели какие-то сдвиги, – насильно произнес Дробышев совсем не то, что хотел сказать. – Достоевский, например. Гоголь. Всякий творческий человек немного того...

– Да, да, – как-то рассеянно подтвердил Селянин. – Не все ли равно, кто сделал, псих или нормальный, важно, что сделано. Я заставляю их признать...

Пунктик это у него был или все же он не понимал, что после больницы он уже человек конченный. Брагину нечего опасаться, достаточно предупредить, просто намекнуть, и Селянин может доказывать что угодно, всерьез его уже принимать не станут. Крышка ему. И угадывание мыслей не поможет. Сюжет фантастического романа: человек обладает могуществом чтения мыслей и ничего не в состоянии добиться. Потеха! Это поразило Дробышева и некоторым образом утешило. Не то чтобы он всерьез полагал, что Селянин читает мысли, но все же, допустим, если читает, и что толку?..

– ...На прошлой неделе я наконец пробился к Непишеву.

– Так, так, – предвкушая, сказал Дробышев.

– Я его все же убедил. Я ему доказал. Лед тронулся.

– Да ну?

Кто-то должен. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
– Напрасно иронизируете. Вчера мне уже звонили. Предлагают ехать в Кремнегорск. На опытный завод. И второй вариант... Не угадаете... Вы слишком трезвый. А знаете, логика никогда не создала ничего великого. – Не торопясь Селянин прошелся по комнате, растягивая предстоящее торжество, вознаграждая себя за недавние унижения. – Так вот, приглашают меня перейти в КБ, к Брагину.

– Ну что ж, прекрасно, – с каким-то секретом произнес Дробышев.

– Да, прекрасно. Не знаю, что вы там подразумеваете, но я-то понимаю, откуда ветер дует. Они запросили пARDону. Убедились, что со мной им не сладить. На сделку вынуждены пойти. Приручить меня.

– И что же вы решили?

– Ха! Никаких компромиссов. Свернуть меня с моего пути – дудки!

Клава вздохнула. Прерывистый этот, обреченный вздох напомнил Дробышеву ее отчаянный голос в телефоне... «Не могу, не могу больше».

Перед ним разом как бы открылась их совместная жизнь в течение последних лет: пустые надежды, обещания, неудачи, его болезнь, исступленная злоба на весь мир, угрозы, а она должна соглашаться с ним, поддакивать, лишь бы не раздражать, иллюзии, которыми он морочил ее, и снова разочарования. Ежевечерний стук на машинке. Жалобы. Письма. Запах лекарств. Все стоило денег. Дробышев увидел ее чиненые матерчатые туфельки, штопку на колене и другую у щиколотки. Ноги у нее были красивые, и от этого Дробышеву стало еще больше ее жаль.

– А что если Брагин на это и рассчитывал, – сказал он. – На это самое ваше завихрение. На ваше самомнение. На ваше, извините, тупое упрямство. До чего ж вы примитивны. Вас можно вычислить наперед, любые ваши реакции. Такими, как вы, управлять ничего не стоит. Брагин нуждается в вас! Эх вы...

Комбинация, затеянная Брагиным, отчетливо представилась ему. Он любил решать шахматные задачи. Это было что-то вроде трехходовки, с правильным матом, экономным и чистым. Селянин сам шел под мат. Других ходов у него не было, то есть были, но в его характере других не могло быть, и Брагин это учел. Брагин ничего не делал зря. Чтобы окончательно ликвидировать всякие слухи, он сам приглашает Селянина к себе в КБ. Приглашает, когда Селянин повержен, вроде обезврежен: смотрите все – Брагин готов простить маньяка, который клеветал на него, сутяжничал; мало того, Брагин помогает этому человеку, чем может. Ох и хват! В глазах Непишева Брагин сразу очистится. Непишев терпеть не может всяких сомнительных историй.

– Чушь! Чушь! – замахал руками Селянин. – Это вы нарочно. Ваши домыслы. Сейчас важно не поддаваться. Знаете, это ужасно – сплеховать в последний момент, когда уже там дрогнули. Достаточно мне еще немного выстоять... – Он схватился руками за свои короткие черные волосы («Их же там всех под машинку!» – сообразил Дробышев). – Нет, нет, Клава, ты не должна...

Слушать его было тягостно, точно больного, который не желает сознавать безнадежность своего положения.

Дробышев покосился на Клаву, она как-то машинально успокаивающе кивала. Наверное, она ничего не слышала. Взгляд ее отрешенно блуждал по кабинету, впитывая спокойный уют этого чужого налаженного быта. Она как бы нежилась в солнечных бликах рыбешек, играющих в аквариуме, в ряби книжных корешков за стеклами высоких полок. И эта блестящая, удобная стойка с пластинками. И серия гравюр на стенах. Виды старого Петербурга – Дробышев приобрел их недавно, сам окантовал мореным багетом, и ему было приятно, что она заметила их. Они придавали кабинету особенность. Не то что обычные репродукции Ван Гога, Модильяни, Серова... Она любовалась без всякой зависти, отдельно от своей судьбы и все же по-женски примеряя к себе, к своему вкусу, по-иному переставляя мебель, наводя, как это пыталась Зина, порядок на его столе... Солнце высветило ее золотистые волосы и глаза. Зеленоватая, прозрачная их глубина была полна печальной мечтательности.

Откуда-то из подсознания, а по-старому, так из глубины души, вынырнуло у Дробышева не воспоминание и не мысль, скорее нечто похожее на давнее сновидение,

Кто-то должен. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru в котором он, Дробышев, уже был не Дробышев, а Селянин или такой же, как Селянин. Вернее, не был, а мог быть таким. Один шаг отделял его от подобной судьбы. Сладостное и в то же время жутковатое чувство порой тянуло его заглянуть в ту несостоявшуюся жизнь.

Меняли масло в трансформаторе. Стоя над душной глубиной пустого кожуха, Дробышев проверял заземление. Внизу лоснились плетения обмоток. Монтеры чистили изоляторы. Гудя, полз мостовой кран. И среди привычных звуков, запахов, движений совершенно незаметно возникало понимание того, как параллельно работают трансформаторы. Что творится здесь, внутри. И сразу все стало просто, будто и не было полугодовых поисков, расчетов, будто он и не бился над этой путаной задачей, не отчаивался.

Решение пришло само собой, он принял его как запись в студенческом конспекте. Понадобилось полчаса или больше, чтобы он уразумел случившееся. Осторожно, с застывшим лицом, он спустился в машинный зал, прошел на пульт и на обороте суточной ведомости стал записывать. Он просто механически записывал под диктовку. Ни до этого, да и, пожалуй, после с ним не происходило ничего подобного.

Через неделю, перепечатав на машинке, сделав рисунки, он отнес статью Кравцову. Потянулись дни ожидания. Недели. На заседаниях кафедры Дробышев пытался по его лицу угадать... Кравцов ласково улыбался – его нетерпению? самомнению? гениальности? Дробышев боялся спрашивать. Тот разговор произошел по дороге в раздевалку. «Ах да, да, ваша статья, как же...» Пухлая ручка описала замысловатую кривую. Увы, оказывается, Дробышев опоздал. В своей новой монографии Кравцов получил то же уравнение в виде частного случая параллельной работы систем. На днях сдает рукопись. Огорчительное совпадение. Что делать, идеи носятся в воздухе. Подобные совпадения известны в истории науки. Он привел несколько парадоксальных примеров. С Беллом, с Сименсом, с Ампером. Память у него была редкостная. Гардеробщик подал ему шубу. Кравцов положил на барьер двугривенный. Неодетый Дробышев вышел на улицу за Кравцовым, все еще чего-то ожидая. «Не простудитесь, дорогуша, – сказал Кравцов. – Вам нельзя болеть. У вас диссертация. Зря вы отвлекаетесь. Нет, нет, вы молодец, додумались своим ходом. Но все же это несколько на окраине вашей темы. Умейте сосредоточиваться. Вам надо защитить. Вот цель. А все остальное... – воздушный жест ручкой. – У вас же все впереди. Богаче, богаче надо себя чувствовать».

Грабеж происходил среди бела дня, на улице, на глазах у прохожих. Пухлой ручкой за горло. Это теперь она сморщенная, немощная, а тогда она не дрогнула.

«Нет, не отдам, ни за что, у меня есть свидетели!..» Существовали ли минуты сомнений и выбора, поворотная точка, тот миг равновесия, когда определяется жизнь на многие годы?

«Да, да, вы правы, мой дорогой профессор, мой руководитель. Диссертация важнее...» Они тщательно разыграли эту интермедию. Заботливый, мудрый Учитель потряс руку опечаленного, но верного своего, талантливого, многообещающего Ученика. После этого Дробышев и получил приглашение на рыбалку. И даже часть этого самого «механизма параллельной работы» Кравцов опубликовал в виде статьи за двумя подписями – Дробышева и Кравцова. В алфавитном порядке. До сих пор на нее ссылаются. Первая печатная работа Дробышева. А все остальное в книге Кравцова.

В дерматиновом переплете. Выдвинутая на премию. В те годы вряд ли он одолел бы Кравцова. Заупрямься Денис Дробышев, и не было бы ни диссертации, ни лаборатории, ни этой квартиры, ни самостоятельности. Психовал бы вроде Селянина, строчил жалобы, ходил по приемным, доказывал свой приоритет. Постепенно озлобился бы, пожалуй, так и застрял бы дежурным инженером. Влачил бы, по выражению Селянина; может, до сих пор ютились бы они с Зиной в сырой комнатухе, дверь на кухню огромной коммунальной квартиры. Так же, как эта парочка. Перед ним была проекция его жизни, возможный ее вариант, доведенный до этой трагической, жалкой фигуры. Один шаг отделял его... Нет, нет, все было правильно. По самому высшему счету он поступил правильно. От его уступки и наука выиграла – три десятка серьезных работ, монография, курс лекций, готовая докторская. Полная научная самостоятельность. Кравцовская кафедра фактически в его руках. Кравцову припомнили прошлые грехи. Для начальства он еще оставался патриархом, но в институте его открыто третировали. Ему противопоставляли Дробышева. Кравцов стал

Кто-то должен. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru воплощением старого, Дробышев – нового времени. Сам Дробышев не мстил, не припоминал того случая. Ему предстояло еще многому учиться у того же Кравцова: надо было уметь раздобыть для своих работ средства, штаты, приборы, валютный фонд. Кроме электрохимии, существовала не менее сложная наука министерских взаимоотношений, смет, планов, сроков, связей с какими-то вроде незаметными, а на самом деле решающими людьми. Кравцов вынужден был вводить его в «сферы»; впрочем, и там все менялось: влиятельные друзья Кравцова исчезали, появлялись какие-то незнакомые Кравцову молодые, с холодными, решительными лицами, деловые и насмешливые, с которыми Дробышев быстро находил общий язык.

– Вам бы еще избавиться от вашей интеллигентности, – учил его Брагин. – Не нужна она вам, Динечка. На этом вы поскользнетесь. Интеллигентность, она хороша для приемов. По вечерам. Интеллигент, он нежный, он стесняется, он все усложняет. Его руководителем ставить нельзя. Чувствительность у него высокая. Ваше счастье, Дробышев, что вы из рабочих. И не напугайте на себя. Вытравляйте. Проще надо. Иначе вам не достигнуть...

С годами Брагин укрепился в цинизме. Он доказывал, что это помогает ему работать и трезво оценивать обстановку.

Словечко «достигнуть» он бросил не случайно; у Дробышева, по его мнению, были хорошие перспективы, и Брагин отмечал его всяческим вниманием. Грубоватые его заходы сместили Дробышева.

– Отсталые у вас суждения об интеллигентности, Брагин. Недооцениваете вы ее. Вот пощупайте. – Дробышев подставил согнутую руку. Под рубашкой круто вздулись отработанные на корте бицепсы. – Современный интеллигент – это не хлюпик. Сила плюс сознание своей ответственности, плюс еще кое-что, – многозначительно добавил он.

Когда решался вопрос о командировке в Англию, Дробышев доказал, что послать следует его, а не Брагина, поскольку последние работы Дробышева достойно представляют нашу науку, да и сам он язык знает, и вообще...

– Как видите, я не стесняюсь, – сказал он Брагину.

Брагин одобрительно похлопал его по плечу, изображая гордость воспитателя. Он нисколько не обижался.

У Дробышева отстоялась своя теория – такого, как Брагин, надо научить уважать нашу интеллигенцию. Он, Дробышев, и есть новый тип интеллигента – не идеалиста, а трезво-расчетливого, умеющего постоять за себя, без лишней рефлексии, деликатности и комплекса вины.

Как далеко была та рыбалка, каким крохотным, глупым казался он себе с этого расстояния.

– Давайте рассмотрим положение несколько иначе. Проще, – как бы подумал вслух Дробышев, следя за Клавой. Надо было найти ход, который разрушил бы комбинацию, оставил Брагина в дураках. В то же время откровенничать с Селяниным было бы неосторожно. Любопытная ситуация.

– Будем принимать факты как таковые. Не вникая. Брагин хочет быть благородным – чудесно, дайте ему эту возможность. Она вам же выгодна. Пойдите ему навстречу. А вы, Константин Константинович, кладете камень в его протянутую руку. Красиво ли это? Вы готовы себе во вред, лишь бы отомстить.

– Оставьте, – рассердился Селянин, – что вы разыгрываете?

– Отнюдь, – ласково сказал Дробышев, надеясь что-то еще узнать о Брагине. – Ну было, ну хотел Брагин присоединиться, дело житейское, а теперь-то почему вы не доверяете, ведь он к вам со всей душой. Честное слово, у вас в электротехнике слишком возятся с изобретателями...

Откровенная скука отразилась на лице Селянина, он поковырял в ухе, потом посмотрел на часы и спросил:

– Где у вас телефон?

– Н-н-да... – Дробышев усмехнулся над этой бестактностью. – Пожалуйста, в коридоре.

– Мне позвонить надо.

– Я догадался, что ж еще можно делать с телефоном.

Селянин дернулся, но смолчал.

Они остались вдвоем. Сразу стало спокойно и тихо. «А, а пошел он...» – мысленно выругался Дробышев, потянулся, скидывая с себя напряженность, хитрость этой игры, в которую он незаметно втянулся. Клава закинула руки за голову, распрямляясь. Произошло это одновременно, непроизвольно и так одинаково, что они улыбнулись друг другу.

«А она ничего», – отметил Дробышев, продолжая улыбаться уже по-другому. Выгнувшись, она задержалась, тело ее под платьем выпукло обозначилось навстречу его взгляду. Зеленые до оскомины глаза ее освобожденно засмеялись. Дробышев поднялся, как бы показывая себя, плечистого, в просторной горчичного цвета замшевой куртке; он видел сейчас свое твердое, крупно очерченное лицо, с улыбкой, перешедшей в прищур. Ему нравилось, что она не смутилась. В ней не было притворства, смело и даже чуть поддразнивающе она ждала. «Ей бы отдохнуть, приодеться», – подумал Дробышев.

– Устали вы с ним, – сказал он с жалостью и шагнул к ней, положил руки на ее плечи.

Получилось это у него от души, она благодарно кивнула, затем лицо ее насторожилось, но Дробышев не снял рук. Безрассудное желание вдруг прохватило его. Это было как пробой, проскочила искра, пробило изоляцию, руки его стали горячее, а может, плечи ее стали горячее.

Она поднялась, он не отпускал ее. Теперь глаза ее были совсем рядом, такие зеленые, что у него сводило щеки.

Из коридора слабо доносился пресекающий голос Селянина. Дверь и десяток шагов отделяли их от него. Достаточно соблюсти предлог – «давайте встретимся отдельно, чтобы обсудить», что-нибудь в этом роде, – и пойдет, и закрутится. Он не сомневался. Он знал, что в таких случаях надо напропалую, женщин это не оскорбляет, наоборот. Все просто. И с годами все проще и безошибочней. И как прекрасно это нежданное... А можно и без предлога, потому что какой же Селянин соперник. Мишура с него облетела, сколько можно верить его рассказам, она давно устала от его болезней, злости, занудства, чем он остановит ее? И Селянин это понимает, оттого так боится. Дробышеву ничего не стоит... Черт возьми, в том-то и штука, что ничего не стоит. Слишком неравные силы. Одолеть калеку, убогого... Не по-мужски.

Разочарованный, он снял руки, усмехнулся, удивляясь себе.

– Тяжелый случай.

Она растерялась, не понимая, что произошло, что значат его слова.

Дробышев отступил, еще раз опечаленно любовался. В сереньком подкороченном платьице, тоненькая, беззащитная, она возбуждала чисто мужские чувства – заслонить, нарядить, утешить...

Собственное благородство растрогало его.

– Чем бы я мог помочь вам? Прежде всего вам, – сказал он.

Взглядом глухого она смотрела на его губы. Ему захотелось, как маленькую, погладить ее по голове.

Она с силой провела по щекам, встряхнулась. До чего ж тяжело ей было

Кто-то должен. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
возвращаться к жене Селянина, к лекарствам, бутылкам кефира, в заваленную
папками, тесную их комнату.

– Как, по-вашему, это? – она кивнула на селянинскую рукопись.

– Что ж, вероятно, работа заслуживает...

– Только не врите! – грубо сказала она. – Думаете, я не заметила. Вы оттого, что он больной? Да? Не надо. Если вы хотите помочь... Скажите. Я должна знать.

Что-то угрожающее появилось в ее голосе.

– Конечно, он преувеличивает, – сказал Дробышев, следя за ее лицом. – Это вам не радар, не лазер и никакая не революция, но принцип может оказаться...

– Принцип! – она топнула ногой. – Мне вот где эти принципы. Господи, ну почему вы не можете честно... Если это ерунда, так зачем же все? Он себя довел и нас, – она схватила Дробышева за руку. – Я стала тоже истеричка. Вы поймите, мы не живем. Ради чего? Ни отпуска, ни выходного. Я ни разу в Москве не была. Я тоже жить хочу... Ну ладно я, но сын, сын у нас, шесть лет ему, из него неврастеника мы сделаем. Он плачет по ночам. Он отца боится. Ребенок, стоит он ваших аккумуляторов? Провалились они. У вас есть дети? Вы можете понять?..

– Шесть лет... Глядя на вас, не поверишь, – любезно проговорил Дробышев и тотчас устыдился, так пошло прозвучало это. – Да, да, ребенок, в такой обстановке, я представляю... Но что делать?

– Ведь если б у него вправду великое было открытие, вы бы тогда помогли? Верно? – она лихорадочно стиснула его руку. – И все другие помогли бы. Давно уже, значит, он себя обманывал, да? Я понимаю. Сейчас ему этот Кремнегорск предлагают. Пусть дыра. Пусть. Неважно. Надо переменить обстановку. Больше так нельзя. Дадут подъемные. Он тут больше не выдержит. И я. Я тоже... – Бледное лицо ее набухло, стало некрасивым, и эта-то некрасивость сильнее всего подействовала на Дробышева.

В коридоре Селянин положил трубку, послышались его шаги. Клава не отпускала руку Дробышева, она почти прижимала ее к себе.

– Пусть он бросит... Докажите ему. Сейчас все от вас зависит. Вы должны... Его надо заставить. Чего вы боитесь? Все чего-то боятся. Я бы ушла, но я боюсь, он убьет себя. Я тоже боюсь. А в общем, все равно... Сына жалко. Он при чем?

Шаги приблизились и прекратились. Селянин стоял за дверью. Он чего-то ждал. Клава словно ничего не слышала, нехорошее спокойствие потушило ее глаза. Если б она заплакала, Дробышеву стало бы легче.

– Тетя меня в церковь водила. А я не могу молиться. Бога нет. Известно, что нет, – тихо и быстро говорила она. – Я бога ненавижу за это, за то, что нет его.

При чем тут бог, он сначала не понял, он лишь понял, что сейчас ему предстоит решить судьбу обоих этих задерганных людей и еще ребенка. Но с какой стати, почему он должен брать на себя такую ответственность? Все это свалилось нежданно-негаданно, еще только что было легкое, игривое, если б он не уклонился, то продолжалось бы... А вот теперь поздно, даже если он ничего не станет решать, это все равно решит.

Осторожно высвободив руку, он громко сказал:

– Войдите!

– Нет, нет, подождите! – крикнула она и тотчас сморщилась как-то брезгливо. – Что же вы... А впрочем, как хотите. Я понимаю, вам-то что...

Дробышев покраснел:

– Вы не поняли. Я готов. Я не отказываюсь. Я собирался при нем...

– Нет, как же так сразу... – вдруг испугалась она. – Ведь вы должны... Он поймет.

Кто-то должен. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
Даже не то. О чем я? Ах да... Вы не должны, если только из-за меня. Я ведь не знаю, может я не имею права? – Она перешла на горячий шепот. – Он меня всегда уверял – все великое требует жертв. Он себя ведь не щадил, может, он и вправду... Когда я его слушаю, я верю, я на все готова. В конце концов, что я такое? Подумаешь, медсестра в профилактории. Может, вы не должны, то есть я... какое у меня право?

– Да что вы, выкиньте из головы, – так же шепотом бормотал Дробышев, потрясенный ее чувством. – Ничего тут великого, ерунда это, семечки, клянусь вам, ради бога не сомневайтесь, да если б и было, если б и великое, разве стоит оно, ваша жизнь, сына, его самого, я ведь все почувствовал. У меня тоже было...

Ему аж горло перехватило, он готов был поклониться ей, поцеловать ей руку – он знал, что сделает все, чтобы защитить ее, помочь, выручить...

Дверь медленно, тягуче отворилась. Петли, которые никогда не скрипели, тут почему-то взвизгнули. Селянин появился с вымученной, ненужной улыбкой.

Однажды Дробышеву пришлось консультировать биохимиков, исследующих электрическую активность мозга. Он видел эти сероватые снаружи, ярко-белые внутри бугристые полушария, утыканные электродами, пронизанные невидимыми импульсами, и сейчас он с такой же явственностью ощущал свой собственный мозг, всякие нейронные структуры, механизм его, который включился, ожил, задействовал с четкостью счетной машины.

Сомнения его разрешились. Теперь он мог не стесняться, он мог поставить Селянина на место, разделать его, как бог черепаху. Он просто обязан был ошельмовать его работу. И никаких церемоний и оговорок. Все получило оправдание, самое святое, высокое. Даже не оправдание, потому что оправдание означает какую-то вину, а речь шла о долге, у Дробышева никакого выбора не было. Он заносил красный фломастер над очередной страницей и ставил жирный, нестираемый крючок вопроса. И раньше он обладал прямо-таки даром мгновенно нащупывать слабые места. Но тут он развернулся, тут он показал себя. А известно ли автору, какие процессы происходят при подобном форсировании? А где же расчеты? Отрицательный электрод – это одно, а что будет с положительным? Как изменяются сроки службы? Он уцепился за эти разделы и стал трясти и потрошить, избегая прочих деталей. Вопросы, которые он ставил, были безответны, потому что сам Дробышев не знал ответа на них. Сомнения всегда неопровержимы. Шведы, а затем японцы в сороковых годах отказались от подобного форсирования, а почему? Неужели Селянин не читал? Ах, языков не знает? Теория подобия вам известна? Не то чтобы Дробышев экзамен устраивал, – надо же выяснить, на каком уровне разговор вести. На пальцах такие вещи не докажешь... «Интуиция», «озарение» – это, простите, не метод.

Постепенно Дробышев «заводился». Почему, спрашивается, почему он в своих работах должен одолевать шаг за шагом, этап за этапом, не позволяя себе надеяться на случай? Да потому, что наука не может существовать на счастливых находках. Важно понять, что же в действительности происходит при этих режимах, какие явления, физика процесса. Это вам не лотерея. Настоящий изобретатель не игрок. И даже когда приходит удача, он все равно не может насладиться ею, он обязан обосновать результат, а этот стрекатель считает своей заслугой случайную догадку. Видите ли, на него «снизошло», его «осенило», подавайте ему венки.

...Разгром получился сокрушительный. Жаль, что Клава не могла оценить его искусство. Наклонясь вперед, она сидела, точно готовая к прыжку. Зеленые глаза ее сузились. Без всякой жалости следили они, как Селянин сник, схватился за голову. Что-то мстительное было сейчас в ней, в ее по-кошачьи замершей фигурке.

Дробышеву почему-то стало грустно. Вместо удовлетворения пришли пустота и усталость, и какой-то металлический привкус во рту.

Палец Селянина, желтый, дрожащий, уткнулся в график, пытаясь что-то отстоять.

– И это придется проверить, – неумолимо сказал Дробышев.

Кожа на пальце было изъязвлена. Дробышев сообразил – пары кислоты. Аккумуляторщик. У всех аккумуляторщиков такие руки.

Кто-то должен. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
У Дробышева тоже – ногти неприятно белые. Все ногти правой руки у него такие. Не от кислоты – от пневматики. На левой прошло, на правой осталось.

До сих пор, правда все реже, снится ему обрубочный цех. Желтые лампы вяло светят сквозь черную пыль. Скорчившись, он лежит на боку и рубит. Шипят шланги, стучит зубило, воят бормашины. Огромная деталь вся в наростах, приливах; остатки земли и окалины сыплются в лицо. Он ловко счищает пригар. Появляется нарост, он срубает нарост, под ним трещины, прибыля вырастают на детали, но, вместо того чтобы работать, он читает учебник. Прибыля пучатся, тяжелеют, нависают над ним, он налегает на зубило, грохот и тряска отдаются в груди, в животе. Давление в шланге падает. «Воздух, воздух!» – орет он, а его не слышно, прибыля давят на него, прижимают к земляному полу...

В этот момент от тоски и боли он обычно просыпался и долго лежал, приходя в себя. В горле еще пыльно першило, руки дрожали от пневматики. Отстукивал будильник, громко и часто, как зубило. Скоро вскакивать, ехать на завод и ехать в институт. Полусонный мозг его не мог отделить явь от сна. Этот промежуток, когда он пребывал в прошлом и не мог доказать, что это прошлое, был ужасен.

Он как бы понимал, что отброшен на много лет назад и нет сил начинать все сызнова. Опять ходить на вечерние лекции. С гудящей головой, полуоглохший, бессмысленно пялить глаза на лектора, стараясь только не заснуть. Он тянул из последних. Курсовой проект он заперол. Три раза перечерчивал, пересчитывал и плюнул. Тупица. Ну и провались все. Его дело, видно, вкальвать.

Каждый хорош на своем месте. Хороший обрубщик лучше плохого инженера.

Алейников, брюзгливо оттопырив губу, тыкал в чертежи – это откуда? Лапша какая-то... Потом уставился на его палец с белым ногтем. Обрубщик? Оглядел с ног до головы. «Не с вашим здоровьем... Ладно, зайдите через недельку». Добился, перевел его монтером на подстанцию и опекал до самого диплома...

Селянин смахнул рукопись, затиснул в папку, туда же закомкал вырезки, бумаги, вскочил, как подхлестнутый.

– Опровергну! Просчитаю! Исследую... И докажу. Всем докажу! Меня не остановишь! Не на того напали!

– Да вы себе представляете? – сказал Дробышев. – Одному тут не справиться. Года два коптеть. Нужна лаборатория. Стенды. Нужно считать на машине.

– Машины не имею-с. У меня линейка. Трехрублевая. Но не беспокойтесь. Два года потрачу, три года, пока не сдохну. На вашей совести. Вы убедитесь. Вот видишь, Клава, нам нельзя уезжать! Ха, японцы, шведы... Надеялись, что я отступлю, испугаюсь? Как бы не так. Фактически, понимаешь, Клава, сам Денис Семенович вынуждает меня остаться! Из-за него остаюсь!

Он размахивал затрепанной папкой, как флагом. Новое намерение захватило его. Вырвался, извернулся из железных объятий Дробышева. С какой-то дьявольской ловкостью он переиначил доводы Дробышева и, потный, всклокоченный, уже мчался и увлекал за собой – есть цель, появилась цель, от него требовали – он готов выполнить.

– Ты заметила, Клава, отвергнуть Денис Семенович-то не решился. Раз так, он нам поможет. Он ведь благородный, он участливый! Хи-хи-хи, в самом деле, почему бы вам не помочь. – Он глумливо подмигнул Дробышеву и вдруг распрямился и совершенно спокойно сказал: – А вам выгодно мне помочь. Поручите вашим аспирантам испытать, просчитать. Давайте наставим нос Брагину. Через несколько месяцев вы преподнесете: вот вы, Брагин, высмеивали Селянина, психом его считали, а между прочим, напрасно, он, между прочим, переплюнул ваше КБ, мы вот тут подсчитали, проверили, все правильно. Давайте? Вы можете себе это позволить. Вам-то чего бояться? Вы авторитет.

Против воли Дробышев прислушивался, даже дополнял эту невероятную картину. Заседание коллегии, его сообщение, бескорыстная работа, которую проделал он, Дробышев, помогая этому затравленному человеку. Матиевич поддержит, а Непишев... Влияние добавок для этой диаграммы можно изучить в натуральных условиях. Голыми руками Брагина, разумеется, не возьмешь. Он не преминет всадить: «Наш уважаемый

Кто-то должен. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru Денис Семенович разделяет мнение небезызвестного Щетинина». Смешка тут не избежать. В таких случаях и самому следует рассмеяться. «Оттого, что у Щетинина дважды два четыре, не значит, что надо от этого отказываться...»

Незаметно, с какой-то завораживающей силой Селянин втягивал его в головокружительный водоворот своих фантазий.

– Не слушайте его! – крикнула вдруг Клава. – А ты... ты... – стиснутые ее зубы яростно блеснули.

– Почему не послушать, – успокоил ее Дробышев. – Не так часто меня искушают, да еще с таким размахом и ловкостью. Ах, какой же вы оболъститель, Константин Константинович! Жаль, что ваши овчины выделки не стоят.

– Но вы же знаете, что это не так! – Селянин стукнул по столу. – Вы же прекрасно знаете!

– А хоть бы и знал! – в запале сорвался Дробышев, но тут же осадил себя. – Вы, очевидно, полагаете, что я и мои аспиранты ждали, пока вы сделаете это лестное предложение. Изнывали от тоски. Ничего более важного, чем ваша работа, у нас нет... Послушайте – бросьте вы упрямиться, займитесь чем-то новым, сколько есть насущных проблем. Неужели вы больше ни на что не способны?

– Как же так? – Селянин впервые растерялся. – Я столько вложил...

– И каков результат?.. Талант – это щедрость, это богатство. А вы как нищий цепляетесь. Посмотрите на себя, как вы себя изуродовали.

– Вы меня хотите убедить моими неудачами? Плевал я на них. Я готов на любые жертвы. Вам этого не понять...

– А-а, бросьте. Ваши жертвы никому не нужны. Вы уверены, что ваша работа стоит трех лет жизни? Добро бы только своей. Но кто вам дал право жертвовать счастьем своих близких?

– Вы спросите его, когда мы были в театре, – вскинулась Клава.

– ...За эти годы сколько вы могли бы создать. Вы же не работаете.

– К нам никто больше не ходит!

– ...Поверьте, Константин Константинович, в науке, в технике человек несчастный не способен создать что-либо значительное.

Неплохо сказано. Ему самому понравилось. Оно давно зрело в нем, это убеждение, что для удачной работы нужна душевная гармония, ощущение полноты жизни, пусть на ходу, на улице, но чтобы замечать весну, подстриженные, уже краснеющие ветки, желто-зеленую траву, лезущую из-под крупитчатого, истоньшалого снега. Нельзя, как Селянин, лишать себя всех радостей. Это приводит к бесплодию. Да и есть ли открытие более дорогое, чем любовь, солнце, друзья?! Еще один патент, еще одна статья, ну и что, разве это заменит, возместит потерянную полноту жизни?! Жизнь – это больше чем работа.

– Безнравственно, да, именно безнравственно работать за счет жизни.

– ...Хоть бы раз съездил с сыном за город.

– Похоже, Селянин, что у вас нет мужества отступить. Бойтесь, что останетесь ни с чем. Верно?

– ...Он раньше совсем другим был. Вы не поверите, Денис Семенович, на гитаре играл, песни пел.

Селин усмехнулся затравленно.

– Точно. Играл. – Мучительно наморщил лоб. – Гитара была с усилителем. Клава, а где она?

Кто-то должен. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru

– У меня отец тоже играл, – вдруг потеплевшим голосом сказал Дробышев.

– Разбил я ее, – вспомнил Селянин, вздохнув, повертел папку. – Что ж, выходит, уступить? Значит, простить все, что было?

– Вас возмездие интересует. А вы попробуйте с другого боку. Возьмитесь за что-нибудь новое. Есть же у вас какие-то идеи. Не одна, так другая пройдет, – дожимал Дробышев. – Авторитет свой восстановите. На белом коне вернетесь.

– Красиво у вас получается. Лишь бы вам не ввязываться.

– Как видите, я ввязываюсь, теряю время, терплю ваши грубости, – холодно сказал Дробышев. – Что вы упиваетесь своей одержимостью? От нее только вред делу. Нравится вам страдать. А муки-то ваши, они не из-за творчества. Из-за Брагина ваши муки. Да еще из-за вашего характера. Дон Кихота из вас не получилось. Дон Кихот совершал подвиги, показывал бесстрашие, а вы показываете лишь непонимание жизни. Он воевал с ветряными мельницами, принимая их за великанов, а вы воюете с великанами, принимая их за ветряные мельницы. Вы сами себя в тупик загнали. И как бы вы ни бились – не пробьете. Слишком вы много дров наломали. Все люди – человеки, у каждого самолюбие... Вот вы взываете к справедливости. А сами? Сколько вы людей пообидели? Вы и к семье своей несправедливы... – Дробышев посмотрел на часы. – Самое правильное вам уехать, переменить работу.

– Уехать, – как эхо повторил Селянин. – Уехать. – Он вдруг изогнулся, подозрительно спросил: – А может вы друзья с Брагиным?

«Вот и все, что вывел этот сукин сын», – устало возмутился Дробышев. Но та логическая машина, которая была в нем, тотчас заработала, спокойно продолжая: стоит Селянину уехать, и Брагин потихоньку приберет к рукам его работу. Брагину выгодно избавиться от этого жалобщика. Тут уж ничего поделывать нельзя, теперь Брагин в любом случае выиграет. Конечно, когда-нибудь Дробышев предъявит Брагину счет: «Вы помните Селянина?» Когда-нибудь Дробышев использует... Выходит, следовательно, что у Дробышева все же есть своя корысть, пусть честная, но корысть, он заинтересован в отъезде Селянина? Забавная диалектика.

– Вы готовы весь мир делить по Брагину – за и против. Далеко у вас зашло. Уезжайте. Я забочусь не о Брагине, – сказал Дробышев с приятным ощущением правдивости своих слов. – Мне жаль вашу жену и сына.

Клава взяла Селянина под руку.

– Большое спасибо вам, Денис Семенович. – Кроме признательности во взгляде ее было и то, что произошло между ними двумя. Она как бы огладила Дробышева, потерлась о его замшевую куртку. Не поймешь – досадовала она, жалела, дразнила. Дробышеву больше всего нравились в женщинах эти переливы чувств, загадочных, нечаянных, которых и определить-то в точности нельзя. Снова ему взгрустнулось от своего благородства.

– Не за что, – сказал он. – Самые лучшие советы – это всего лишь слова. Желаю вам на новом месте удачи.

Клава подтолкнула мужа, он покорно протянул руку, прибормотал:

– Спасибо...

Влажная рука его бессильно смялась в руке Дробышева.

– Ничего, ничего, все будет о'кей!

Дробышев испытывал умиротворение, как хирург после тяжелой и удачной операции. В передней он заботливо помог Селянину надеть пальто. Движения Селянина были неверны, одеревенелыми пальцами он долго застегивал пуговицы своего кожаного потертого реглана. Клава подала ему шляпу, он нахлобучил ее, стоя перед зеркалом.

Клава потянула его за рукав.

– Ну и субъект, – сказал Селянин, разглядывая себя. – Такой может выкинуть

Кто-то должен. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
любое. Почему нет? В этом его преимущество.

Дробышев утомленно ждал, он никак не мог предвидеть того, что произойдет.

Открылась входная дверь, появилась Зина с младшей дочкой. Румяные, холодные, они принесли с улицы запах весны. Анечка держала длинную ледяную сосульку, у Зины была сумка с продуктами. В маленькой прихожей возникла толчея. Дробышев знакомил женщин, раздевал Анечку и не заметил, с чего все началось, почему Селянин взял Зину за руку и говорит, захлебываясь от возбуждения и страха, что его прервут.

Дробышев лишь увидел, что Зина несколько не испугалась. Она слушала внимательно, не отнимая руки, напряженно следя за его прыгающей мыслью.

– ...Они оба вынудили меня. Ваш муж... у него логика. Он меня логикой раздавил. А если душой, вы поймете, потому что не может быть так, чтобы всем выгодно. Где-то ошибка. Брагину выгодно, Клаве выгодно, мне выгодно. Вы чувствуете? Всем выгодно, чтобы я отказался. Вашему мужу выгодно. Допустим, мелочь я изобрел, пускай гайку. Не закон природы, не Эйнштейн, но если гайка эта для меня – как если б я был Эйнштейном. Вы понимаете? Сегодня гайку отвергнут, завтра – генетику. Да, да. Генетику! – Он воспламенился этим примером. – Им тоже: отрекитесь! А они...

Все же он умел заставить себя слушать. Особенно женщин. На них действовала эта умоляющая беспомощность, эта исступленность.

– ...Ваш муж, он добрый, он ко мне добрый, к ней. Позвольте тогда вопрос. Пусть абсурдный, чисто теоретический. Если б ваш супруг отрекся, вы как, уважали бы его? Ради вас отрекся, ради дочери. Не то чтобы жизнь или смерть, это я понимаю...

С изощренным чутьем он нащупал чувствительное для Зины, воспаленное ее место, и Дробышев почувствовал на себе ее колючий взгляд.

– Да, я псих, то есть я здоров, не хуже других, но я болел, меня легко ослабить, – злорадно предупредил Селянин. – И сейчас я для всех идиот, потому что против своей выгоды... Торгуйся я для себя, никому и в голову бы не пришло. Тогда я нормальный. А тут для государства, для науки, подумай. Главное, во вред себе. Нет, погодите, бог с ней, с наукой. Я другое хотел. Вот вы счастливы. Она тоже хочет, Клава. Я понимаю. Квартира, диссертация. Я не осуждаю... Нет, не то... Опять не то...

Он схватился за голову. Зина взглядом остановила Дробышева.

– ...Так нельзя жить, – застонал Селянин, сжимая голову. – Должны быть идеалы. Во имя чего... Иначе что же останется?

Дробышев почувствовал, что нельзя молчать, что он проигрывает. С каким наслаждением он попросту спустил бы его с лестницы. Не будь тут Зины. Селянин цеплялся за нее, он был под ее защитой, пользовался этим подло, не по-мужски. И это в благодарность за все. Дробышев взглянул на Клаву, призывая ее в свидетели. Видит бог, как говорили в старину, совесть Дробышева чиста, пусть Селянин пеняет на себя.

– Ах вот оно что, – сказал Дробышев. Вы, значит, печетесь о государстве? У вас идеалы. Прекрасно, о чем тогда разговор, Константин Константинович, все улаживается как нельзя лучше. – Не издеваться, а высмеять надо было его перед Зиной, все это мерзкое кликушество. Дробышев скрестил руки, покачал головой: – Чего ж вы скрывали? Я-то думал, что вы все о себе, а вы о государстве печетесь. Вы бескорыстный идеалист. Виноват, каюсь. – Примериваясь, он поиграл занесенным клинком: держись, голубчик, сам напросился... – Раз так, отдайте ваше предложение Брагину. Приглашайте его в соавторы. Вы же думаете только об интересах страны. Уже год назад государство получило бы экономию, эти четырнадцать миллионов. Пожертвуйте своим личным авторством. Не все ли вам равно, с точки зрения высших идеалов. Что вам слава... А промышленности, а технике один черт, сколько там авторов – один, два... Брагин, он быстро внедрит. Ну что ж вы? За чем дело стало? Не хочется? Чур, одному? Знаете, как это выглядит?

– Как? – ошеломленно отозвался Селянин.

– Не Брагин, не Кравцов украли четырнадцать миллионов. А вы! Из-за вашей жадности. Не вам – так никому, пусть гниет. Все ваши красивые возгласы – брехня. Прикрываете свое тщеславие. Вы не лучше Брагина. Хуже. Будь вы патриот, вы согласились бы хоть на десять соавторов, сколько угодно, лишь бы дело пошло. Но как же так, разделить свою славу. Ни за что. Хоть лопни. Не отдам. Мое. Какие же тут идеалы?.. Наговорить что угодно можно...

Он рубил его наотмашь, так, что кости хрустели. Пусть Зина видит всю труху, слишком она податлива на дешевые словеса. Ковырнуть как следует – и посыплется труха. Работать надо, работа – вот идеал, отдавай работе честно все, что можешь, будь реалистом: изобрел – пожалуйста, имеешь законное право ни с кем не делиться, но тогда нечего строить из себя праведника. От этих праведников самое зло и пакость. Внутри обязательно эгоист, а то и хапуга.

Наступила тишина, Селянин подождал, затем деревянно поклонился, главным образом Зине, направился к дверям. Безмолвный уход его возмутил Дробышева.

– Ну что ж, можно и так, – бросил он вслед.

Селянин обернулся. Лицо его было пустым, без глаз.

– Безнравственно, – прошептал он. – Все, что вы говорили. Пусть я... Но вы-то... Ведь если вы – тогда мне все можно. Я думал, что хоть кто-то должен... Я шел... Я не хотел идти... – он шептал все более невнятно и сбивчиво. – Вы думаете, четырнадцать миллионов нужнее, что они дороже такого поступка...

Некоторое время Дробышев стоял в опустелой передней. На кухне Зина и Анечка разгружали сумку с продуктами. Оглохшие звуки еле пробивались к нему. Словно у него заложило уши. Как будто он вышел из самолета. Дробышев пригладил волосы, провел рукой по лицу.

Надо было взглянуть на часы. Он не хотел смотреть на часы.

Он пошел на кухню. Ему не надо было сейчас заходить к ним.

– Мы купили черешню, – поспешно сказала Анечка. – Хочешь?

– Только помой, – сказала Зина.

Глаза их ускользали, зеркально-безразличные.

В кабинете пахло чужим едким дымом и еще чем-то, тоже чужим. Он открыл форточку, сел к столу. Долгожданная верстка лежала перед ним. Рыхлые листы с большими полями, удобными для правки. Текст, огибающий таблицы и формулы, текст, который еще можно подчистить...

Дробышев умел заставить себя работать при любом настроении. Что бы ни происходило, пахарь должен пахать.

Мысленно он еще следил, как Селянин и Клава идут по улице, Селянин оправдывается или, наоборот, обвиняет, старается еще более утвердиться.

Ему хотелось, чтобы зашла Зина, помешала, спросила. Никто не знает, что он переступил через себя ради этой Клавы, ради ребенка. И не узнает. Теперь этот изувер домучает их. И еще смеет говорить о нравственности. Так всегда, благородные слова захватывают подонки. Они пользуются, они произносят их с легкостью и пафосом...

Правка не приносила удовольствия. Он чиркал все более недобро. Слишком много было бесспорного. Никаких колебаний, никакого выбора, подарочный набор в блестящей упаковке.

«Ну и что?» – подмывало его написать на полях.

Закончив главу, он пошел погулять. В передней он задержался перед зеркалом, повязывая шарф.

Что-то незнакомое было в его лице. Как будто стеклянная глубина хранила отражение Селянина и его взгляд – взгляд человека, усомнившегося в чем-то главном... Удивительно было обнаружить такие глаза на своем лице.

Часть вторая

На песчаных отмелях чернели перевернутые смоленые баркасы. Дома стояли тоже черные, крытые серебристой дранкой, местами поросшие зеленым мхом, обнесенные высокими жердяными изгородями. Напоминали они о раскольничьих скитах, монастырях, о жизни медленной, пристальной, наполненной тайным смыслом, который всегда чудился Дробышеву в этих затерянных лесных деревнях.

Час, а может и больше, простоял Дробышев у борта, бездумно смотрел на плывущие мимо глухие леса, на бледное пустое небо, вдыхал речную свежесть, чуть пригорченную паровым дымком. Иногда с косы обдавало теплом, разогретым хвойным настоем. Желтая пыльца сосен припорошивала гладкую воду затонов.

Теплоход шел медленно. След его был короток. Вода быстро смыкалась сзади, и река опять застывала, отражая высокие леса и печальные косогоры.

Архангельский поезд, на который Дробышеву надо было пересечь, запаздывал. Слоняясь по вокзалу, Дробышев набрел на расписание речного пароходства. Когда высчитал сроки прибытия и отплытия, густой голос произнес над ухом:

– Напрасно ты, парень.

Он обернулся, увидел над собою огромного хмельного бородача; лиловое, блестящее том лицо его расплывалось от доброты, оно было воплощением мирового братства и нежности.

– Почему напрасно? – спросил Дробышев.

– Будто не знаете. – Он погрозил ему пальцем. – От реки всегда развал в голове. Да еще если ветер завяжется...

Может, это и подтолкнуло его, а может, то, что давно не плыл он паровым, в неспешности, все только самолетами, да машинами, да поездом, и всегда скорым.

На пристани матрос, проверяя билет, наклонился, сказал доверительно:

– Вы, конечно, извините, только Кашенко не при чем, вы команду спросите, все свидетели.

– Какой Кашенко? – спросил Дробышев. – Вы что-то путаете.

– Понимаю, – сказал матрос.

В каюте на нижней полке седоусый старичок заводил ключиком игрушечный самосвал.

– Слыхали, – сказал старичок, – Кашенко привлекают из-за жуликов.

– Так ему и надо, – сказал Дробышев и сунул портфель под подушку.

– Усовеститесь! Вывел их на чистую воду, вот и возводят напраслину. Говорили ему – не связывайся! – Старичок в сердцах опустил самосвал на пол, и тот, жужжа, поехал на Дробышева.

На палубах толпились экскурсанты. Пели, играли в карты, фотографировали закат, кидали хлеб чайкам.

В ресторане уже опустело. Дробышев выбрал столик у окна. Лесистый берег тянулся совсем рядом, за стеклом. Тугая волна ломала отраженные ели и редкий березняк. Усталость командировочных дней медленно оседала, смывалась чистой речной водой.

– Что кушать будете?

Официантка, молодая, лениво зачарованная, как эта река, поигрывала привязанным карандашиком.

– А что есть?

– А ничего нет, – безмятежно прожурчала она, любопытствовала на его смех и вновь перевела незамутненные глаза на окно.

Было легко задержать ее взгляд любым испытанным приемом, особой своей намекающей улыбкой, которая вгоняла в краску, одной-двумя фразами: про фигуру, волосы, что-нибудь в этом роде. Но не было настроения. Давно уже стало ему не до этой игры.

Озабоченный командированный, немолодой, голодный, усталый – вот кем он был для этой девицы. Один из тех, от кого хочется скорее отделаться.

– Вы олицетворение инертности, – сказал Дробышев печально. – Солнечный газ. А Кащенко-то расписывал мне.

Мир преобразился, забурлил.

– Вы когда его видели? Ну как он? Медаль ему надо, а его по судам таскают. Вы простите, однако, вы по его делу?

– Ну зачем же, – туманно ответил Дробышев.

– Шашлычок желаете? Соляночка осталась.

Мимо окна прошел долговязый мужчина в роскошном черном с голубыми полосами джемпере. Фигура его показалась Дробышеву знакомой. Мужчина присел на скамейку рядом с мальчиком. Они по очереди разглядывали в бинокль дальний берег.

Еще поднимаясь на теплоход, он ощутил чей-то пристальный взгляд. В мелькании пассажиров, толпящихся у борта, чьи-то глаза сверху следили именно за ним.

Прежде случайный этот рейс, со всеми его странностями, возбудил бы вкус приключения, но сейчас любые встречи и разговоры были Дробышеву в тягость. Он рад был одиночеству, своей незаметности.

Пообедав, Дробышев спустился на нижнюю палубу. Между рыжими сельдяными бочками рыбаки «забивали козла». Слышно было, как наверху поют под аккордеон. Песни были незнакомые, разные и чем-то одинаковые:

...Ты неплохо устроилась,
Муж, квартира, уют,
Я ж поеду на север,
Где норд-осты поют,
Там олень бродит замшевый,
Звезды в рыжем дыму...
Почему же ты замужем,
Ну скажи, почему?

Пели с чувством, из песни в песню повторяя эту немудреную хвалу неустроенной палаточной жизни с кострами, пургой, аэродромами. Романтика горожан. Были у нее свои поводы, но чем-то они обижали Дробышева. «Муж, квартира, уют...» Чудаки, разве это формула благополучия. С каким облегчением сменил бы он нынешнюю свою работу, такую с виду распрелестную, на эти простые лишения – мерзнуть, лазить по горам, недосыпать.

Наступающая теплая белая ночь выгнала всех на палубы. Ища укромный уголок, Дробышев зашел на корму и опять увидел того мужчину с мальчиком. Физиономия мужчины показалась ему еще более знакомой, он даже приготовился к выражению нечаянной встречи, но мужчина сделал безучастное лицо и отвернулся. Он отвернулся умышленно.

Пустяковый этот случай почему-то задел Дробышева. Последние неудачи сделали его болезненно уязвимым. Раньше он и внимания не обратил бы. Подумаешь, кто-то

Кто-то должен. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru отвернулся. Былой самоуверенности не хватает, ощущения устойчивости.

Найдя свободный шезлонг, он уселся поближе к борту, чтобы никто не заслонял крутого берега, розовых от невидимого закатного солнца вершин сосен с обнаженными корневищами.

Здесь места привлекали своей первобытностью. Их оставалось все меньше, нетронутых, затерянных уголков, где можно укрыться от людей, особенно от этих туристов. Собственно, людей не так уж много, размышлял он, возросла подвижность, скорость перемещения, на долю современного человека приходится, наверное, в десятки, сотни раз больше километров пути, чем раньше. Люди хотят больше видеть. Жизнь расплывается вширь, а не вглубь. А ему именно хотелось вглубь...

Берег двигался совсем рядом, маня просветами брусничных полянок, еловыми шатрами. Но пока примериваешься, мечтаешь, наплывают новые манки, скользят мимо, повторяясь в воде. Параллельно его жизни плыла другая, такая близкая, а он не в ней, он здесь, огороженный железными поручнями...

То и дело за спиной раздавались голоса, взрывы смеха, стучали каблучки. Все отвлекало, мешая сосредоточиться. Эх, люди, люди, если бы вы знали, чем он занят. Крохотным коэффициентом – омегой. Буковкой в формуле. Понять, постигнуть физический смысл. А между прочим, на жизни любого из вас скажется эта самая омега. От нее зависит новый тип аккумулятора. Емкого, небольшого, способного произвести революцию в технике. Мир может преобразиться. Появятся электромобили – дешевые, бесшумные, легкие. Очистится воздух городов. Спасена будет природа. Да, да, природа, утвердился и обрадовался Дробышев. Никогда прежде он не задумывался о нравственной цели своей работы. Считалось признаком дурного тона говорить о подобных вещах.

А рядом суета, кишение, люди проходят мимо и не догадываются, что этот хмурый, одинокий пассажир творит их Будущее, такой незаметный, Благодетель Человечества, скромный Гений, один из тех, чей неоценимый вклад...

Он и посмеивался, и утешался. Мысли его клубились, как пар, что поднимался над светлой водой, оседал на правом берегу, стлался по муравчатой пойме.

Стога, затопленные туманом, всплывали куполами неведомого града.

Над чашей поднимались белые знаки створов.

У шлюпки девушка и паренек, оба в джинсах, в свитерочках, обнимались, прижимаясь так откровенно, что Дробышев отвернулся.

Почему-то все источало укор и грусть – эта парочка, уплывающие стога, красота этой жизни, которая огибала Дробышева, уходила все дальше.

Люди имеют полное право смеяться и не обращать на него внимания. За полтора года исступленной работы он получил жалкие результаты. Конечно, организационный период, неизбежные срывы, то да сё, но и впереди не видно. Когда он дорвется до этой омеги...

«Селянин! – вдруг ударило его. – Не может быть!»

Он вскочил. Скамейка на юте была пуста. У лебедки стоял мальчик, Дробышев подошел, наверное, слишком быстро, потому что мальчик испуганно отпрыгнул.

– Здравствуй, твоя фамилия Селянин?

– Д-да.

Мальчику было лет десять. Узкие ярко-зеленые глаза его напомнили Клаву. Он попятился к трапу, готовый бежать вниз.

– Видал? – Дробышев вынул пистолет-зажигалку.

– Не настоящий. – Все же он протянул руку, но остановился: к ним подходил отец.

Теперь, зная, что это Селянин, Дробышев еще больше удивился. Не мудрено, что он

Кто-то должен. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru не узнал его. Перед ним был модно одетый, преуспевающий не то какой-нибудь спортсмен, не то артист. Даже странно было обнаруживать черты прежнего Селянина в этом широкоплечем здоровяке с буйными черными волосами, с движениями сдержанными и весомыми.

– Вы это или не вы? – Дробышев развеселился. – Что с вами? Вы так помолодели.

Селянин довольно улыбнулся и тотчас согнал улыбку, но и без улыбки гладкое бронзово-загорелое лицо его сохраняло то же довольство.

– Пройдет, – сказал он.

Под франтоватым его джемпером чувствовалось тело, играющее мышцами, исчезла сутуловатость, он стал как бы выше ростом, словно распрямился, и все в нем округлилось, подобрело.

Дробышев все еще разглядывал его, потом спохватился, что так и не поздоровался, не протянул руки, и почувствовал, что теперь здороваться уже не следует.

– Вас тоже не узнать... Вы что, болели? Или заработались? – спросил Селянин, впрочем, без интереса. Он хлопнул мальчика по спине: – Леша, давай-ка надень куртку.

Они посмотрели вслед мальчику, как он сбегал по трапу.

– Не ожидал... Курите? – Дробышев щелкнул зажигалкой.

Селянин помотал головой.

– Бросили? – Дробышев прикурил. – Да, сколько лет прошло.

– Года два с лишком.

«Уже два года», – подумал Дробышев. Потом он подумал: «Всего два года». Лучше было об этом не думать.

– Как ваша супруга поживает? – спросил он.

– Лично я считаю, что неплохо. – Селянин засмеялся. Он держался приветливо и безразлично. Приветливость его относилась не к Дробышеву, а к этому прелестному вечеру, красивому небу и убаюкивающему гулу теплохода.

– Это вы давеча отвернулись?

Вопрос получился глуповатым. Дробышев разозлился, ему никак не удавалось найти правильный тон.

– Я думал, вам неприятно будет, – сказал Селянин уклончиво.

Дробышев сплюнул за борт, ему хотелось вести себя небрежно, иронично, выглядеть корифеем, которому не до внешности, который может себе позволить...

– Почему же?... – вызывающе спросил он и, не давая Селянину ответить, скривился. – До чего же вы чуткий нынче. Когда у вас нужда была, вы не заботились, приятно мне или нет.

– А у вас что, нужда? – поинтересовался Селянин. Руки его были в карманах, ноги расставлены. – Любопытство у вас. Вот что.

Явное его нежелание продолжать разговор поразило Дробышева.

– Конечно, любопытство, – сказал Дробышев как можно простодушнее, потом, осмотрев Селянина, вздохнул: – Впрочем, все ясно.

Но Селянин не спросил, что ему ясно, сладко зевнул, похлопывая себя ладошкой по губам, посмотрел на часы.

– На воде в сон тянет... Чего это вас занесло сюда? – как бы уступая, лениво

Кто-то должен. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru спросил он.

- По делам. В Кремнегорск.
- Надо же, – протянул Селянин, чему-то усмехаясь.
- А вы? – глядя в сторону, на веселый брусничный закат, спросил Дробышев.
- Мы?.. Мы из отпуска возвращаемся.
- С супругой?
- Да, всем семейством.
- Уж не в Кремнегорск ли?
- Угадали.
- Вы что же, на «Рот-фронте»?

Селянин показал рукой:

– Смотрите, язь играет. Ишь блеснит. Голова у него позолоченная. Ох и хитрая рыба. Пойду Лешке покажу. Счастливо вам отдыхать.

Он направился к трапу.

- Ай-я-яй! Это же неучтиво, – протянул Дробышев. – Бойтесь вы меня, что ли? Такая долгожданная встреча. Можно сказать, подарок судьбы.
- Ах, помилуйте, чтоб моя скромная особа удостоилась, да я с полным удовольствием, к вашим услугам. – И Селянин церемонно раскланялся.
- Очевидно, вы работаете на «Рот-фронте», – сухо начал Дробышев. – Я еду к вам устроить заказ на керамические пластины. Я занимаюсь сейчас новым типом аккумулятора.
- Слышал.
- Ну что ж, это облегчает мою задачу. Тем более что я сам еще не знаю, что это за штука – новый электролит. – Следовало смягчить голос, но он не мог так просто отделаться от чувства обиды. – И кем вы там?
- Зам главного технолога.

А самомнения-то... Дробышев успокоенно посмеялся про себя и стал рассказывать о данных будущего аккумулятора, какие нужны пластины, в чем их особенность. Как всегда, рассказ воодушевил его. Цифры обладали испытанной магией. Само произнесение их вслух было приятно. Он привык, что лица слушателей, даже понимающих сложность задачи, постепенно смягчались, становились мечтательно-нездешними.

Он взял Селянина под руку, повел вдоль борта. Ради такого дела можно было поступиться самолюбием.

- Выходит, мне повезло, – заключил он сердечно. – На ловца и зверь бежит.
- Не знаю, – с некоторой колкостью усомнился Селянин. – Я – что. Вам надо с директором.
- Директор – само собою. А я вас в адвокаты. По знакомству. Советоваться-то он с вами будет.
- Это его дело. – Селянин высвободился, раскинул руки навстречу сыну. – Леха! Язь видел? Да-с... – Он чему-то удивленно засмеялся. – А заводешко-то наш невидный. Верно, Леха?
- Зато в некотором роде уникальный, – заступился Дробышев, превозмогая желание

Кто-то должен. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
выругаться. – У вас можно прокатанные электроды делать. Любые покрытия.

Селянин равнодушно кивнул.

– Леха, а где мама?

– Она с тетей Томой.

Они заговорили о своем. Дробышев растерялся: даже мастера, простые заводские мастера и те ахали – неслыханная емкость! К новому аккумулятору проникались интересом, расспрашивали, одни с недоверием, другие с восторгом, но как-то реагировали.

– Так как же? – напомнил он смущенно.

Селянин наморщил лоб, как бы вспоминая:

– Ах да... Если меня спросят, я, к сожалению, буду против.

– То есть?

– Буду отговаривать директора. – И Селянин весело развел руками.

– Вот как... Почему же?

– А зачем нам взваливать на себя. – Глаза Селянина смотрели кротко и приветливо, однако где-то на дне их играло веселье. – Посудите сами: работа внеплановая, трудоемкая. С этими пластинами умыкаешься. Спецоснастка нужна. Какой нам резон? И без того хвороб нам хватает.

Прикрыв глаза, Дробышев попробовал представить того Селянина.

– Неужели это вы? Может, то был ваш брат? И это вы говорите мне?

– Я, я самый. Никаких братьев. В натуральную величину, – с удовольствием подтвердил Селянин.

– Ну, это уже не косметика, а полная реконструкция. И снаружи, и внутри. Какое превращение!

Мальчик настороженно смотрел на Дробышева, на отца, пытаясь понять, что происходит.

– У тебя, Леша, папа иллюзионист. Только что был впереди прогресса, и – хоп! – перед нами матерый консерватор. Не желает помочь передовой идее. Что с ним случилось?

Селянин миролюбиво улыбался, кивал.

– А что делать? Мы вот с Лешей выписываем «Знание – сила». Отличный журнал. В каждом номере про новые идеи, столько открытий – диву даешься. И все коренные, все переворачивают. – Он сочувственно пожал плечами и подмигнул Леше, еле заметно, однако с таким мерзким намеком, что Дробышев покраснел.

«Что ж это, он хочет меня выставить маньяком». Он понял, что стоит поддаться возмущению, и все пропало. И без того он успел многое проиграть в этом разговоре. Он придал голосу беззаботность мэтра, которому наплевать на результаты своей просьбы.

– Что ж, идея вам кажется нереальной?

– Идея чудесная. – Селянин мечтательно вздохнул. – У меня самого когда-то бродила мыслишка – попробовать нечто вроде биоаккумулятора. Электролит из органики.

– Чистяковский вариант?

– Зачем, у меня свой был вариант. Я даже прикидывал. Примитивно, конечно.

– Мы это направление тоже имеем в виду.

– Да ну? – вежливо удивился Селянин и помахал руками. – Прекрасное направление. Божественное направление.

Держась за поручни, он откинулся на вытянутых руках, выжимаясь, приседая, и Леша, косясь на Дробышева, тоже приседал. Двигались они в лад, глубоко и ровно дыша, так что Дробышев невольно засмотрелся. Чего ему не хватало, так это сына. Девчонки – совсем другое. Отправиться вдвоем с сыном, мешки за плечами, по рекам и лесам...

– Весьма сожалею, что ваши упражнения помешали закончить столь приятную беседу, – произнес Дробышев как хорошо воспитанный человек. – Был рад встретиться.

– Простите, – виновато сказал Селянин. – Привык перед сном... – Он выпрямился. Лицо его потно блестело, грудь раздувалась, он дышал шумно, наслаждаясь каждым вздохом, своим здоровьем, этим чистым воздухом.

– Мы подводным плаванием с лешей занимаемся, – сообщил Селянин, как бы продолжая извиняться. – Да, так вы насчет биоаккумулятора говорили. Весьма перспективная проблема.

– А что, если... – Дробышев запнулся. – Конечно, если органика вас еще занимает, я мог бы... Хотите к нам в лабораторию?

Вместо широкого жеста получилась чуть ли не просьба. Что-то все время сбывало Дробышева.

Селянин улыбнулся так, как будто ожидал этого предложения.

– Великодушно. Ценю. Жаль, что поздно. Увы, увы! Видите ли, Денис Семенович, степени я не достиг, значит, оформите вы меня старшим инженером. Либо эмэнэс. В деньгах я потеряю рублей сто. Квартиры вы не мне дадите. Точно? А в Кремнегорске у меня трехкомнатная. И прочие условия у вас не ахти.

– С чего вы взяли?

– Да это ж невооруженным глазом... – Селянин заботливо смахнул какую-то мошку с дробышевского плеча. – Вот вы, известный ученый, должны тащиться к нам, в тьмутаракань, уговаривать, упрашивать. Я ж понимаю. Вместо того чтобы вызвать директора нашего в Москву... Потому что все на вашем энтузиазме держится. Передо мной, пешкой, и то вам приходится... Куда это годится? При такой бедности добиться каких-нибудь результатов – это ж сколько время надо. Для меня вот что курьез. – Он наклонился к Дробышеву, заглядывая ему в глаза. – На что вы рассчитываете?

– В каком смысле?

– Допустим, рабочую температуру элемента снизить. Одна эта проблема потребует годы. А при ваших-то условиях? Вы прикидывали?

Вопрос был противный. Внутри заныло, ожила какая-то сосущая пакость. На что ушли последние два года? Куда они подевались? Ничего толком не вспоминалось, лишь мелкая суета, какие-то хлопоты, заседания, бумаги.

С тех пор как он добился создания лаборатории, он то выбивал лаборантскую ставку, то приборы, день за днем, неделя за неделей проскакивали, и все они были ненастоящие, все было преддверием. И вот, оказывается, прошло два года – шутка ли, два года, – а до самого главного так он и не добрался. В начале он полагал месяцев семь, от силы год потратить на организацию лаборатории. С его напором, хваткой он справится, и затем заварится оно самое, ради чего уже не жалко времени.

В тот момент собственная его жизнь казалась бессрочной, вся она располагалась в Будущем...

Об этом тоже не следовало думать.

Селянин ждал ответа. С холодным вниманием он наблюдал за Дробышевым, как в поле микроскопа за поведением какой-нибудь козявки.

– Часто лаборатория лучше всего работает, пока она в подвале, – заученно сказал Дробышев. – Наука не должна становиться жирной. Есть романтика в наших невзгодах. Недостаток средств обостряет пытливость, требует оригинального мышления...

Он без конца повторял это своим сотрудникам и своим противникам. Никто не должен был различить, угадать его страхи. Особенно Брагин. И об этом лучше было не думать.

«При вашем нервном истощении надо избегать неразрешимых ситуаций», – советовал врач.

Большей частью неразрешимая ситуация состояла в том, что он не разрешал себе сказать что хотел, дать выход своим чувствам. Только дома, с Зиной, он позволял себе срываться. Опустив голову, она умолкала, лицо ее становилось туповато-покорным. Хоть бы возразила. От ее мученического терпения с ума можно было сойти. Ему иногда хотелось довести ее до слез, до крика... Как будто она была виновата, что вместо института ему с трудом удалось добиться небольшой автономной лаборатории.

А между прочим, виноват был Селянин. Именно из-за Селянина многое перевернулось.

После того как Брагин стал соавтором, он укрепился, вскоре о Селянине уже не упоминали, повсюду фигурировал один Брагин, и само собой получилось, что новый институт достался ему. Дробышев возражал. Был даже момент, когда все заколебалось. Дробышев считал, что незачем создавать из брагинского КБ еще один НИИ. Новый институт должен заниматься действительно новой проблемой, а не поделками на злобу дня, которые Брагину кажутся наукой. Научный уровень работников КБ довольно низкий. Достаточно вспомнить историю с Селяниным. Он лишь намекнул об этой истории в числе прочих, еще ничего не зная о соавторстве. Вот тогда-то Брагин и выложил, но не просто, а разыграв целый спектакль: сперва побагровев от обиды, потом смиренно превозмог обиду; оказывается, он, Брагин, уступил просьбе больного Селянина, согласился помочь этому несчастному больному; он, Брагин, вдохнул жизнь в этот наивный эскиз, и как мог Дробышев, зная Брагина столько лет, после всего того, что Брагин сделал для него, как он мог... Невероятно! Он опустил голову, скрывая слезы – святой человек, мученик, и седые волосы красивой волной упали ему на лоб.

Непишев осуждающе посмотрел на Дробышева, даже Матиевич покачал головой.

Конфуз получился полнейший. Всегда находчивый, умеющий шуткой снять любую неловкость, Дробышев ошеломленно молчал. Значит, Селянин последовал его совету, и бумеранг вернулся... Машинально он пробормотал какие-то слова извинения, не слыша себя, лишь бесчувственно отмечая, как чаша весов окончательно качнулась в пользу Брагина, и под ногами словно поползло, шурша, осыпаясь...

Через несколько дней Брагин, встретив его в министерстве, обнял, сияя от дружелюбия:

– Неимоверно я тебя подсек? То-то, рыбонька моя. Надеюсь, ты не сердишься? Ты же умница. Ты оценил меня? Ну и видок был у тебя... Сверх ожидания. Но ты не придавай значения... Все равно у тебя сорвалось бы. Больно уж рискованна твоя идея. Химера. То ли дело у меня, все темы – верняк. Тебе надо начинать скромненько. Ах, Денис, Денис, вот ты лютуешь на меня. А я ведь нынче с министром говорил и свое словечко вставил насчет лаборатории тебе. Не ожидал? Видишь, какой непредвиденный изгиб. И он согласился. С тебя приходится.

Рыхлый, теплый, он нежно прижал Дробышева к себе, он был влюблен в него за свой поступок.

– И не совестно тебе? Я же знаю – ты сейчас прикидываешь: зачем, с какой стати мне это понадобилось? Опасаешься? А ты не ломай голову. Хочешь, сам скажу? Помог тебе потому, что понравилась мне твоя отчаянность. Я же тебя проектировал иначе.

Кто-то должен. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
И вдруг нате: все побоку, отложил карьеру, репутацию ва-банк. Что с тобой
стряслось?

– А то, что хватит. Пора.

– Сделаешь – лауреатом станешь. Но – риск... Не боишься?

Вот тут-то Дробышев почувствовал, что Брагин сам побаивается его, потому
побаивается, что не понимает, как это могло случиться. А случилось это, когда
старик Матиевич поделился выношенными своими мыслями, и у Дробышева вдруг словно
щелкнуло, соединилось с собственными его размышлениями, которые, вероятно,
возбудила селянинская разработка, вернее, непонятные явления, которые она
выявила... Соединилось, сошлось в такой сладостной стройности, что дух захватило,
и уже больше ни о чем другом думать не мог. И пошло, и закружило его, все
остальное побоку. «Так и надо, – успокаивал его Матиевич, – *beati possidentes!* [1
– Счастливы обладающие! (лат.)]»

– Чего бояться, попытка не пытка.

Брагин хлопнул его по плечу:

– Это по мне! Это по-нашенски!

– Подал ручку, да подставил ножку, – буркнул Дробышев, веря ему и не веря.

– Подставил, – с удовольствием согласился Брагин. – Потому что мне победить тебя
надо было. Я доказать хотел. Спик инглиш? Помнишь? А я помню.

– И только-то. Мелко. Я-то думал – принципы, философия. А вы счета сводили.

– Ах, Денис, упрощаешь ты меня? Ищешь утешения себе. Какой же ты ученый, ты
должен противоречия искать. Думаешь, мне это директорство приспичило? На что оно
мне? Для карьеры мои сроки уже вышли. Я теперь о других сроках задумываюсь...
Старость – это, может, самая ответственная пора. Тут ищи мои мотивы. Мне зачем
это директорство, затем, что, например, я теперь многое могу исправить в своей
жизни. Чувствуешь? Радиус моего действия увеличился, и принципы мои увеличились.
Принципы требуют радиуса, то есть должности. И в этом пропорция должна быть.
Попробуй соблюди ее. Вот, рыбонька моя, это и есть философия. Иначе карьеристом
станешь...

Он наслаждался своей откровенностью, рассуждал громко, нисколько не стесняясь
многолюдной канцелярии. И тут же, от избытка чувств, предложил Дробышеву войти в
ученый совет института.

– Как же так, я выступал против института... Неудобно, – сказал Дробышев и,
услышав свой нерешительный, застенчивый голос, вспылит. Может быть,
откровенность Брагина заразила его. С какой стати он будет поддерживать этот
никчемный институт своим именем. Мелкие темы, звонкие пустячки, не имеющие
отношения к науке, ни одной серьезной проблемы, ничего перспективного. Нет, в
эти игры он не играет.

– ...Раньше грешники уходили каяться в пещеру, а теперь, значит, создают для
этого НИИ... Добрые дела, сделанные за счет государства, не зачтутся...

Лицо Брагина стало серьезно-запоминающим. Не надо было этого говорить. Дробышеву
еще можно было вернуться назад. Согласиться. Сделать всего один шаг, один
маленький шагочок. Сказать «да». Это ведь так просто, так легко, все толкало его
на это.

– Нет, нет и нет, я был и буду противником вашего института в нынешнем его виде.

– Безрассудный ты человек, – грустно сказал Брагин. – Как ты все себе
осложняешь. И для своей лаборатории. Ты о деле не думаешь. Ради дела тебе не
следует так говорить. Потешил себя на минутку, а потом? Потом ведь жалеть
будешь. Неблагодарный ты.

И тут Дробышев не выдержал. Тут он вознаградил себя. Уж Брагину-то он ничего не
должен. Кто посоветовал Селянину? Кто подтолкнул Селянина?

Кто-то должен. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru

– Так вот оно что, – медленно сказал Брагин, разглядывая его. – Значит, ты подтолкнул... И теперь раскаиваешься?

Плохо, что даже Зине нельзя было рассказать об этом разговоре. Она сразу вспомнила бы ту сцену в передней.

На последнем совещании в министерстве Брагин невзначай обронил: «Мы бы тоже не прочь тянуть сроки, как Дробышев. Нерешенный вопрос не содержит ошибок». Лаборатория вовсе не зависела от Брагина, но Дробышев постоянно ощущал его недобрый интерес.

Надо было делать вид, что все идет как положено. Никто не должен был знать о его страхах и сомнениях.

– ...Вовремя вы пособили Брагину, – сказал Дробышев. – Вот он, конечно, может вам воздать и квартиру, и ставку. Он не предлагал вам?

– Нет, что вы, у меня с ним больше никаких дел... – искренне удивился Селянин.

– Неблагодарность с его стороны, – поерничал Дробышев.

У пологого мыса бледно светились огни бакенов. Пароход прогудел. Табунок коней встрепенулся. Жеребенок побежал вдоль отмели. Короткий, чем-то печальный звук гудка эхом откликнулся в дальнем бору.

– Скоро Шумья, – сообщил Селянин. – Там у нас курорт строится.

Голос его звучал умиротворенно, и Дробышев обнаружил, что весь их разговор куда-то затерялся, пропал в этих ночных светлых просторах. Селянин словно заражал его расслабляющим чувством успокоения; обида, злость, попреки – все таяло перед ликом этой белесой тишины, высокого неба.

Стало еще светлее, но тени исчезли. Селянин загадочно улыбался. Был в нем какой-то секрет, какая-то недосыгаемость, которую Дробышев никак не мог разгадать; не верил, досадовал, и казалось, Селянин с удовольствием наблюдает за его усилиями.

– Значит, вы не жалеете, что согласились на Кремнегорск? – спросил Дробышев.

– Нисколько.

– А что я с этого имею? – Дробышев принужденно хохотнул. Впрочем, не стоило пережимать, тут Селянин мог ему кое-что припомнить. Странно, почему он не пользуется случаем...

– Наша работа сейчас в стадии неразберихи, – обрывая паузу, весело сказал Дробышев. – Знаете, стадия открытия? Сперва шумиха, потом неразбериха, потом поиск виноватых, потом наказание невиновных и наконец вознаграждение начальства. Виновных еще нет, но будут, как в том анекдоте про волка и зайчика. Слышали?

Это он умел – круто свернуть, с видом простака выпустить очередь анекдотов, эти палочки-выручалочки, которые всегда кстати, которые упрощают любую ситуацию.

Смеялся Селянин залихватно, по-детски утирая глаза, переспрашивал, чтобы запомнить, и под этот смех Дробышев пригласил его к себе в каюту, пропустить по стопке для согрева, – правда, в каюте он не один... Конечно, Селянин ответно предложил к себе, и Клавдия Сергеевна будет рада...

В коридоре Дробышев замедлил шаг. Большое стенное зеркало отразило его залысину, бледное, набрякшее усталостью лицо.

Показываться в таком виде не хотелось, и в то же время хотелось увидеть клави. И чем больше хотелось, тем больше он боялся – этакий душевный резонанс раскачивал его.

Первым в каюту вбежал Алеша с криком: «К нам гости!» За ним Селянин; на какой-то

Кто-то должен. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru момент Дробышев остался один, послышался голос Клавы; знобящий сквознячок прошел у Дробышева внутри, так, что он поразился своему чувству. Этот момент и следующий, когда он увидел глаза Клавы, были самыми трудными.

Слава богу, она не помолодела и не стала красавицей. Она окрепла, располнела, гусиные лапки появились у глаз. Медно-крашенные волосы и загар сделали ее грубее. Чувствовалось, что жила она эти годы в свое удовольствие, ничего не упуская.

Дробышев пожал ей руку, безулыбчиво, сохраняя хмурые свои морщины.

Глаза ее не успели скрыть настороженности, но была в них и радость.

– Вот уж сюрприз... Какими судьбами?

Он молчал, не отпуская ее руки, чего-то ожидая, и вдруг она ответила ему тайным пожатием.

В каюте было тепло, пахло апельсинами, духами, бормотал транзистор. Селянин познакомил его с Томой, нежно-розовой толстушкой, горделиво представил его: известный профессор, ведущий ученый.

Появились бутылка коньяка, конфеты, бумажные салфеточки. Дробышева усадили в угол, женщины, соперничая, ухаживали за ним, что-то романтическое было в его появлении, одиночества, небрежном костюме... И он сам почувствовал себя уже не командированным, а путешественником, этакий суровый флибустьер.

Плечи его расправились, и, как всегда бывало в компаниях, само собой он стал центром.

Чокнулись «со свиданьем». У Клавы в черноте зрачков плеснулось воспоминание, и Дробышев подивился превратности жизни, замысловатым ее коленцам, скрытой и мудрой ее стройности.

Селянин ловко разрезал апельсины, раскрывая дольки лепестками. Тома придвинулась к Дробышеву, расписывая красоты Кремнегорского монастыря, рыбацких парусников. Она часто смеялась, великолепные зубы освещали ее кукольно пухлое личико.

Все быстро и как-то охотно захмелели. Клава сидела против Дробышева, колени их под столиком прикасались. Она наклонялась, и белый лифчик виднелся в разрезе халатика. Все оказалось просто, совсем просто. Дробышев подумал, что напрасно он в тот раз деликатничал. Грубее и проще следует относиться ко всему.

– Костик организует рыбалку, поедем на Сивый остров, – планировала Клава, глядя ему в глаза.

Селянин согласно посмеивался. Он как бы демонстрировал свою семью, свою новую прекрасную жизнь.

– Да, да, чудесно... только я еще не знаю, – отвечал Дробышев.

– Это почему? – насторожилась Клава, поглядывая то на него, то на мужа.

Дробышев глотнул коньяку, зажмурился. Самолюбие мешало ему пожаловаться.

– Дела. Все течет, все меняется.

– Что наша жизнь? Дела! – пропел Селянин, не то сочувствуя, не то забавляясь.

– Опять дела, – Тома возмутилась. – Что с мужиками происходит? Уж бабы вроде всю работу на себя забрали, ваше дело ухаживать. Так нет, силой надо заставлять. То в политику норовят вырваться, то техника. Свою мужскую профессию начисто разучились исполнять. Ты, Клава, не мигай. Мужик, извиняюсь, мужчина – это звание повыше доктора наук, верно я говорю, Денис Семенович? – Она взяла Дробышева под руку, прижалась, пышные волосы ее щекотали ему лицо.

– Ладно, что будет, придет, – беспечно возгласил Дробышев.

Ему казалось, что все может стать как прежде, когда не было особых забот, все

Кто-то должен. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
получалось само собой, легко и весело.

– Все-таки исхалтурились мужчины, – не унималась Тома. – Норовят все наспех. Мне хоть бы раз в жизни кто письмо написал, чтобы на пяти страницах, чтобы поплакать всласть. Эх, жила бы я в большом городе, я бы такой роман закрутила... Профессор, вы меня понимаете, в лучшем смысле?

– Тома! – сказала Клава.

– Понимаю, очень даже понимаю, – смеясь сказал Дробышев. – А вот Константин Константиныча не понимаю.

– Это в чем? – спросила Клава.

– Да так, пустяки, приглашаю его переехать в Москву, – как бы между прочим сказал Дробышев, – к нам в лабораторию, есть сейчас вакансия.

– Точно, – самодовольно подтвердил Селянин. – Но я категорически.

Тома вскочила:

– И дурак. Профессор, вы меня уговорите. Я вашим очкарикам тонус быстро подниму.

Клава засмеялась вместе со всеми, словно разделяя самодовольство Селянина, и Дробышеву захотелось уязвить ее, нарушить это согласие.

– Рутинером стал ваш супруг, ба-альшим рутинером, – сказал он. – Чурается всякого прогресса... не желает ни во что ввязываться... – Дробышев погрозил Клаве. – Ваше влияние? Да, недооцениваем мы роль жен в развитии науки. А впрочем, бог с ним, с прогрессом. Важно, чтоб вы были довольны. Вдали от шума городского... Вы ведь этого хотели!

Она ожесточенно, с вызовом кивнула:

– Конечно. А то как же... Но, между прочим, вы напрасно, Денис Семенович, так выводите. Костя на заводе передовиком является. На городской Доске почета он выставлен. Увидите. Его ценят. Считается, что если провинция... а провинцией всюду можно стать. И полнокровной жизнью можно всюду... Телевидение у нас через «орбиту». Кино первым экраном. Мы ничего не пропускаем. Мы теперь, когда в Москву приезжаем, все театры обходим...

– Побывали, значит, в Москве! – вырвалось у Дробышева.

Она улыбнулась ему как бы поверх своей обиды, благодаря за то, что он вспомнил.

– Побольше иных москвичей ходим. На «Современник» я билеты достала. Вы, конечно, Брехта смотрели...

– Нет, не смотрел.

– Ну вот, – торжествующе сказала она.

Дробышев почувствовал какое-то разочарование и все-таки порадовался за нее. В конце концов, это было дело его рук, его заслуга. Неважно, что ему пришлось перетерпеть из-за этого и до сих пор расхлебывать, зато им и ей, Клаве, он помог, и, может быть, это как-то оправдывает... Так что ж это было – ошибка или напротив? Хорошо или плохо он поступил тогда? Но как же может быть плохо, если они ожили, расцвели...

Селянин тихо улыбнулся: «Убедились? Ко мне не подступишься, все в порядке, так что зря беспокоитесь».

– И все ты врешь, Клава, – вдруг проникновенно, хмельным голосом сказала Тома.

Молчание наступило резко, плотно заполнив кабину. Клава взяла стопку, повертела ее, с маху поставила назад, расплескав коньяк.

– Не слушайте ее, Денис Семенович, – она растянула губы в жесткой улыбке. – Тома

Кто-то должен. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
любит поперек.

Она прищурила глаза, лицо ее остановилось, и низким грудным голосом запела:

Дорогой длинною, да ночкой лунною,
Да с песней той, что вдаль летит, звеня...

Щемящая ее тревога и смятение были не по песне, казалось, сейчас от боли песня оборвется, но тут вступил Селянин, подхватил, заслоняя ее своим сильным голосом, повернув на отчаянность, на ту забубенную лихость, которая уводила от цыганщины куда-то в российское раздолье, в туманные поля, что тянулись за окном.

Клава замолчала, отвернулась к окну. Дробышев видел ее легкое отражение в стекле. Взгляды их сходились где-то на гранитном валуне, на тропке, ныряющей в ивняк, а иногда скрещивались в прозрачной толщине стекла.

Селянин уже пел один, пел старые забытые песни – про атамана Кудеяра, про отраду, что живет в высоком терему, пел для себя, не думая ни о Дробышеве, ни о женщинах.

«А что, если он и впрямь счастлив, – подумал Дробышев, – и ничего другого ему не надо?»

Тома блаженно улыбалась:

– Хорошо!

«Да, да, хорошо, – думал Дробышев. – Но что мешает мне, почему не верю я этому счастью?»

– Сюда бы гитару, – пожалел Селянин. Он налил себе, поднял стопку. – За ваше здоровье! – сказал он Дробышеву. – За ваши успехи!

Дробышев поклонился.

– Спасибо. Это мне очень поможет... – Он усмехнулся, тоже поднял свою стопку. – Ладно, я, наверное, чего-то не понимаю, но я рад видеть вас такими счастливыми...

– Эх, профессор, простая вы душа, – сказала Тома. – Нам, бабам, другое счастье нужно, не такое, как вам. Мы ведь столько можем... А можем и впустую отцвести... – перехватив взгляд Клавы, она махнула рукой: – Язык у меня наперед ума... Вот объясните мне, профессор, почему я в Москве букашкой себя чувствую. Арбат новый вымахали. А я от этой красоты расстраиваюсь. Иду, и кажется мне, будто жизнь упускаю.

«И верно, и со мной так бывает», – растроганно подумал Дробышев. Он почувствовал руку Клавы, сильное и теплое ее прикосновение и обрадовался.

– Вы что, не согласны? – спросила Тома.

– Наоборот. Но вы себе противоречите.

– Это я всегда. И себе, и другим. – Она произнесла это как само собой разумеющееся, и Дробышев позавидовал ей. Ему тоже захотелось противоречить себе, избавиться от своей логики, от привычки искать во всем причины, следствия. Все равно эти причины и логика могут объяснить видимость, а есть еще и другое, сокровенное, может, самое-то и важное... Вот они сидят, четверо взрослых, что-то говорят, и в то же время между ними существуют тайные отношения, совсем иные, чем кажутся, у него с Клавой эти прикосновения, и, наверное, у Тома с Клавой тоже что-то происходит, о чем он не знает, и у Селянина с Клавой... И все отдельно от их слов, а кроме того, у каждого еще что-то внутри творится...

Продолжая чувствовать руку Клавы, он спросил:

– А вы видели, как я садился на пароход?

– Я? Нет.

Кто-то должен. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru

– Значит, Константин Константинович стоял один?

– Что же ты мне не сказал, Костя? – спросила Клава с внезапным вниманием.

Селянин чему-то улыбнулся.

– Я думал, что вам будет неприятно встретиться с нами.

– Почему же? – искренне удивился Дробышев, забыв о неприятностях, какие доставил ему Селянин.

– Не знаю.

– Вы же мне ничего плохого не сделали. Может быть, наоборот, вам было неприятно? – спросил он уже с умыслом. Какое-то мгновение они, все трое, балансировали над краем воспоминаний.

– Не знаю, – равнодушно повторил Селянин. – Леша, тебе спать пора.

– Да, пойдди уложи его, – попросила Клава.

Дробышев поднялся.

– И мне пора.

– Вы погодите, вы постарше. – Клава потянула его за рукав.

Селянин легко поднял Лешу и вынес его.

– Атлет, – сказал Дробышев. – Чем вы его кормите?

– Первый месяц, как приехал, ложку не мог держать, так руки тряслись, – вспомнила Тома.

Клава смотрела куда-то между Томой и Дробышевым. Высокий лесистый берег закрыл небо. В каюте потемнело.

– Тома...

– Понятно, – сказала Тома. – Пойду я на свежак, повздыхаю.

Дверь затворилась. Некоторое время они слушали удаляющиеся шаги по коридору. Обозначились какие-то мелкие звуки на палубе.

– Снова мы одни, – сказал Дробышев.

– Да, да, – нетерпеливо кивнула Клава, не спуская с него глаз. Дробышеву казалось, что она разглядывает не его, а того, который тогда взял ее за плечи, или, может быть, она видела сейчас ту себя, заплаканную, измученную...

– Я потом сразу хотела позвонить вам. Сколько раз я говорила с вами. Придумывала. А теперь вот... Идите сюда. – Она взяла его за руку. – Нет, лучше так. Вы-то вспоминали обо мне? Хоть разик?

Лицо ее приблизилось. Дробышев ощутил запах ее кожи, волос, ему казалось, что он и впрямь вспоминал о ней, хотел видеть, то, что было между ними, то несостоявшееся, оно до сих пор живое, потому и живое, что не состоялось.

– А-а-а, не все ли равно... Если бы не вы... Я изменилась?

Смуглая кожа туго обтягивала ее упругое тело; любуясь, он признался грубовато:

– Вы стали заманчивей.

– Задержитесь у нас, чего вам стоит. В нашем доме сосед есть, старик, у него квартира пустая, я устрою, вам удобно будет. – Она говорила деловито, бесстыдно, и Дробышев так же бесстыдно прикинул – почему бы не воспользоваться, чтобы она уломала Селянина помочь с заказом?

Кто-то должен. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru

– Ну, как вам Костя? – Она быстро пересела к нему на диван, положила руку ему на колено. – Не тот он, верно? Думаете, что я виновата?

Глаза ее были совсем рядом, ему хотелось увидеть, как они затуманятся, покачнутся.

– Черт возьми, – пробормотал он.

– Он что – не хотел вам помочь? – шепнула она, как бы угадывая.

Дробышев привлек ее к себе, но тут же остановился, сказал с шутливым вздохом:

– Эх, закрыть бы сейчас дверь.

– А что, я могу! – она выпрямилась, ожидая.

И Дробышев вдруг понял, что она действительно может. Она ничего не боится. Предложи он сейчас сойти на первой пристани – она ведь согласится, сойдет. У него в груди замерло, когда он представил, как они сбегают по шатким сходням, поднимаются в незнакомый городок, эти первые шальные минуты вдвоем, а там будь что будет...

Вырваться хоть на недельку, забыть про всех и про все, про скопленные за два года нерешенные дела – цепкие, нудные, неотвязные, вроде бы и помыслить нельзя об этом, а вот случись с ним инфаркт, и все дела отодвинутся, станут неважными перед той тонкой пленкой, что удерживает сердце от разрыва. Вот тогда-то и вспомнится эта рука, вспомнится то, от чего отказался, то, чего не было. Он знал, что пожалеет о том, что не сошел. Он всегда будет спрашивать себя, почему он этого не сделал. Непонятно...

– Вы молодец, – сказал он. – Но не будем делать глупостей.

Она не обиделась, она посмотрела на него задумчиво:

– Господи, неужели это вы?

Зрачки ее затопили глаза, в их блестящей черноте Дробышев увидел себя и понял, что она все еще видит в нем прежнего Дробышева, удачливого, уверенного в себе, пожалевшего несчастного ее мужа. Или хочет видеть, думал он, самонадеянным, имеющим на все ответы... «Господи, неужели я был таким». Он разглядывал себя в ее зрачках и все хотел понять: а что же она сейчас видит?

– Тогда я, наверное, вам больше нравилась? – спросила она. – Вы несчастеньких любите. Иначе как же себя показать. Вам люди нужны, чтобы себя в них разглядывать. Я это заметила. Это вы виноваты, что он стал такой... – Она сморщилась, замотала головой. – Что я, вы тут ни при чем, ведь вы из-за меня... – Она прислушалась, быстро обняла Дробышева, поцеловала в губы.

– Не слушайте, что я говорю, – шепнула она.

Дверь отворилась. Клава успела отодвинуться, но Дробышев нарочно не отпустил ее руки.

– Сумерничаете, – сказал Селянин.

Фигура его заполнила дверной проем. Дробышев, не торопясь, освободил руку Клавы.

– К Залучью подходим, – сообщил Селянин как ни в чем не бывало.

Клава поднялась, стала к окну.

– Сходите, посмотрите, – сказала она.

Теплоход приваливал к пристани. Разносились слова команды. Отдали первый якорь. Дробышев стоял, наблюдал слаженную работу матросов, толкотню на пристани, кого-то встречали, кого-то провожали, и те и другие обнимались, всхлипывали.

Кто-то должен. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
Грузились бородатые изыскатели с огромными рюкзаками, удочками, аппаратами.

– Здесь алебастр нашли, – пояснил над его ухом Селянин.

Дробышев не обернулся.

– Тут теплый ручей есть, мы ездили сюда зимой купаться. – Селянин помолчал. – Вообще-то я зимой в проруби купаюсь. Укрепляет нервную систему. Помните, какой я задохлик был?

– Да, укрепили, – не выдержал Дробышев. – Вас теперь ничем не прошибешь.

– Вы о Клаве? Вы не обращайте внимания, с ней бывает.

– Ах вот как... – сказал Дробышев. – Неплохо вы устроились. Полный душевный комфорт.

Он замолчал, поняв, что Селянин ждет вопросов, хочет как-то оправдаться.

– Больше мы на юг не поедem. У нас тут спокойней. На Сивом озере такой дом отдыха! Приезжайте в отпуск. А что, берите супругу и приезжайте.

Дробышев внутренне вздрогнул, как будто его обожгли.

– Никак не могу определить, какого цвета тут вода, – поспешно сказал он.

Гладь воды отливала голубым, розовым, но все ее краски были иными, чем на небе, темней, сталистей, и ни одну из них нельзя было точно назвать. Позади стемнело, где-то за лесами закат еще продолжался, там что-то тлело, мерцало. На мачтах загорелись фонарики.

Ему захотелось, чтобы Зина видела эту красоту, чтобы они плыли в этом тихом покое, отдыхая, ни о чем не заботясь. Что она имеет последние годы – одни ожидания. Сперва его кандидатская, потом его докторская, теперь эта его работа. И постоянно она должна его подбадривать, утешать, откуда только она силы берет. Почему, с какой стати он старается ради каких-то будущих, неизвестных ему людей, а рядом живет человек самый близкий ему, и что она имеет?

– ...Вот мы отплывем, все уйдут с пристани, лягут спать, – прочувствованно говорил Селянин. – А ведь плес останется, ельник в воде, молоко это над травой, для кого ж эта красота будет? Ведь до утра никто не взглянет. Выходит, зазря чудо пропадет. – Он слегка волновался. – Кроме человека ведь никто не может оценить, насладиться. Никто, верно? Не может быть, чтобы природа сама для себя...

– И что же отсюда следует?

Насмешливый тон смутил Селянина, но он продолжал:

– Может быть, природа подсказывает нам: пользуйтесь красотой, принимайте её. – Он стеснительно протянул руку, будто оглаживая эти дали, и леса, и тихую воду.

Дробышев крепко сжал поручни, засмеялся:

– Вам бы поселиться здесь, в тиши. Покой и полное слияние. Чтоб начальство и планы не мешали вашему счастью созерцать, купаться в проруби.

– На свете счастья нет, – мягко сказал Селянин, – а есть покой и воля.

– Как вы сказали?

– Это не я, помните, у Пушкина?

– Покой и воля, – повторил Дробышев с нарастающей злостью. – Ах какой милый рецепт. Пушкин не достиг, а вы достигли. И как же это устраивается в наше бурное время?

Наверное, следовало сдержаться, потому что Селянин сразу замкнулся, выставив свое ленивое равнодушие, даже иронию прибавил.

– Очень просто. Как все великое. То, что меня окружает, и то, из чего состоит моя жизнь, прекрасно. Потому что сама по себе жизнь прекрасна. Примерно как у Гегеля.

– И все? – подождав, спросил Дробышев. – А я-то думал, Пушкин, Гегель, сами-то вы куда делись?

Теплоход разворачивался, выходил на середину реки. Литая полированная волна опять прилепилась к корпусу.

Селянин вздохнул еле слышно, кротко:

– В нашей жизни столько радостей, столько хорошего – принимай и наслаждайся. У нас любят начальством огорчаться. А меня начальство возлюбило, в некотором смысле за то, что не оправдал опасений. Предложил я, к примеру, новую форму сепараторов. Невозможно, говорят, штампов нет. Опасались, что я буду настаивать. А я не спорю. Вправду нет штампов. Будет возможность, они сделают. Они ведь тоже понимают, что к чему. Ужасно им понравилось это доверие. Сами беспокоятся. Парадокс? Представьте, благодаря таким отношениям больше удастся сделать.

Зыбкий белесый свет мешал Дробышеву уследить подробности выражения его лица. А все дело было в подробностях, потому что Селянин наверняка лукавил, может, даже издевался над ним. И в то же время Дробышев чувствовал, что Селянину что-то нужно от него.

Селянин тоже беспокойно кружил, как бы подманивал его, дразнил, ни разу не напомнив, чей совет он выполняет, чьи слова повернули его жизнь, или, во всяком случае, способствовали. Он не ссылался, не возвращался к тому дню, но Дробышев все время ощущал скрытое лезвие, нож, который мог блеснуть в любое мгновение.

– Чем же вы заняты, душевно заняты? – идя ему навстречу, спросил Дробышев. – Рыбачите? Смороду выращиваете? Чем вы живете?

– Вы не представляете, сколько всякого, кроме работы. Мы с лешей цветной телевизор мастерим. Слежу за международными событиями. Китай меня занимает. Я в связи с этим молодого Маркса изучаю. «О краже леса» читали? Замечательно...

Вдали, на горе, сквозь березняк светились серебристые башни.

– Химический комбинат, – пояснил Селянин. – Полная автоматизация. Превосходно сделано.

– Не верю я вам, – сказал Дробышев. – Что-то не сходится.

– Что же именно? – с готовностью отозвался Селянин.

– Вы же талантливый человек... При чем тут цветной телевизор? Нельзя же этим исчерпать...

– Я так и знал, вам нужна моя неудовлетворенность, – подхватил Селянин. – Чтобы я втайне мечтал, грыз себя, сожалел, мучился... Но о чем? Раньше я оттого, что не мог добиться, винил всех...

– А теперь элениум, – тоже прервал его Дробышев. – Таблетка элениума – вот ваш покой. А где же воля, воля-то в чем?

– Я перестал быть рабом своих идей.

– Что же вы, душите их, пока они слепые?

– Нет, я не вынуждаю людей заниматься ими. Если что придет – отдаю, делайте, как считаете нужным. Почему моя идея должна всем нравиться? Не обязательно она самая лучшая, вот, например...

– Ах какая доброта, бери – не хочу, не хотите внедрять – пусть гниет, мне на... – выругался Дробышев.

Кто-то должен. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru

– Да вы поймите, меня ж никто не заставляет, и я не хочу заставлять, я ради себя, мне самому это приятно. Я ради жены, сына. Могу я позволить себе... Ну как вам это объяснить? Любовь чувствуешь, когда жертвуешь чем-то. Она же конкретной должна быть. Неужели вам никогда не приходило в голову, что сколько б ни сэкономить киловатт-часов, они не прибавят...

– Приходило, давно это известно, я сам наблюдал в Англии, – возбужденно прервал его Дробышев. – Но гражданин где? За что вы боретесь, с чем? Гражданское чувство, без него... это ж мещанство. За чей счет ваш покой? Да, да, сколько вы ни заслоняйтесь Доской почета, все равно...

– А что такое гражданин? Не знаю. «Пройдемте, гражданин». Нечто милицейское, а? Все изменилось. Гражданин – не оппозиция. По отношению к кому мне быть гражданином? К своему директору? Так он болеет за завод больше меня. Лучшее, что я могу, – помогать ему. Кого критиковать? И начальники, и мои инженеры – мы все знаем наши беды. Легче всего – на начальство валить. Я убедился – от такой критики вреда больше, чем пользы. Вот вы вернетесь от нас, допустим, ни с чем. И начнут ваши подручные склонять вас, упрекать. Ну кому, спрашивается, от этого польза? Разве поможешь? Будто вы сами не переживаете.

Они вышли на корму, где было безветренно, тепло, там дремали, похрапывали, примостясь на мешках. Кто-то наливал, брэнча бутылкой о стакан, сладко крикал.

Домашние эти, уютные звуки мешали Дробышеву, были против него, они словно возражали ему вместе с этой сонной рекой, рыбацким костерком на берегу, запахом дыма, со всеми простыми и верными радостями жизни. «Как много аргументов у малодушия, – подумал он, – любые слабости, измены, косность – все они вооружены, у них всякие слова, манки, оправдания...»

– Вы уверены, что им это нужно? – спросил Дробышев.

– Кому – «им»? – голос Селянина дрогнул. Старые морщины проступили на лице Селянина, вблизи оно не казалось уже таким моложавым.

– Клавдии Сергеевне, к примеру. Что, ей так лучше?

– Знаете что... – угрожающе начал Селянин, но вдруг усмехнулся. – А впрочем, давайте выкладывайте, что вы имеете в виду.

– Да так... мне казалось, что все же раньше была у вас какая ни на есть цель. Был смысл, была страсть...

Дробышев остановился, внезапно сообразив, что за это самое он когда-то высмеивал Селянина, ломал его, явственно вспомнилось ощущение хруста...

– Сейчас вы, конечно, вспоминаете тот наш разговор, – казня себя, твердо начал он. – Вы можете спросить...

– А чего вспоминать, чего именно?

– То, что я говорил вам, советовал...

– Подсчитать, проверить? Сперва я пытался, было дело...

– Да я не про то, – раздраженно оборвал Дробышев. – Я про то, что мы потом, и в передней, насчет смысла, и насчет Брагина, и еще...

– Нет, не помню, – глядя ему в глаза и улыбаясь, сказал Селянин. – Память стала никудышная.

– Бросьте, что вы все время придуриваетесь? – в ярости от этой улыбки прикрикнул Дробышев.

– Ей-богу, да с чего вы взяли? И была охота вам ворошить?! – уверял Селянин. – Не знаю, что вам Клава наговорила, на нее иногда находит такое настроение...

– Думаете, это настроение? – мстительно сказал Дробышев и стал закуривать. Когда он поднял голову, Селянин стоял над ним, засунув кулаки в карманы, по-бычьему

Кто-то должен. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
пригнувшись вперед.

– Послушайте, а что вы, собственно, хотите от меня? Почему вы вмешиваетесь? По какому праву? Вот именно, откуда вы право взяли себе такое – судить? – спрашивал он тихо, ровно, но вздутые кулаки его еле удерживали накопленное чувство.

«Да, да, какое я имею право, – опомнился Дробышев, – если он доволен своей жизнью, почему я считаю, что он должен жить иначе».

Но как только он соглашался, он чувствовал, что все это не так.

– ...Похлопотал бы за ваши пластины – и я оправдан, – говорил Селянин. – Реабилитирован. Более того, уверяю вас, да вы бы мое душевное равновесие за образец посчитали. Творческая гармония, самоуглубление, богатство духовной жизни и прочие трали-вали. Но поскольку я отказываюсь, то сразу ничтожество. Погряз. Достоин презрения.

Неожиданный этот выверт поразил Дробышева, прямо-таки парализовал его. Несомненно, Селянин был убежден, что все так бы и перевернулось. Со стороны, наверное, так и выглядит, подумать только – и нечем опровергнуть, ничем не докажешь.

– А у вас какие доказательства? – спасаясь, выкрикнул Дробышев. – Вы же не по существу. Все дело в том, почему вы не хотели помочь. Тут-то и обнаружилась ваша...

Но Селянин, не давая оправиться, сбил его твердым своим голосом:

– ...Вам лишь бы подчинить себе, использовать. А все, что вам не способствует, то, значит, плохо. Потому что вы подвижник, вы крест на себя взвалили. У вас великая миссия.

– Я взвалил, я и несу, – болезненно морщась, вставил Дробышев.

Селянин словно и ждал, именно этих слов, этой мучительности, этого последнего всплеска.

– Так ведь не донесете, – с блаженной прямоотой сказал он. – Не успеете. Дай бог, если помощники ваши доберутся. Я-то представляю, сколько вариантов перелопатить надо. Ну, допустим, с температурами управитесь. А завершать-то другие будут. Вы даже и не знаете, кому достанется... Вы, конечно, простите меня.

– Валяйте, все так, – согласился Дробышев. – И что же дальше-то, что?

– Я тоже спрашиваю, дальше-то что? И зачем вам это? Продолжали бы работы по электрохимии, книги, теорию, все шло у вас в полном согласии. Ну, появилась проблема, так зачем же самому, и чтоб все мосты сжечь. Правильно я говорю?

– Да, да, правильно, – с какой-то мучительной радостью согласился Дробышев.

– И в самом главном вы не уверены.

– В чем же? – замирая, спросил Дробышев.

– А в том, получится ли у вас. – И Селянин вцепился в него глазами, следя за каждой черточкой.

– Угадали, – с трудом сказал Дробышев. – Принцип-то у нас правилен, но может статься, что осуществить нельзя. С температурой, например. На нынешнем уровне. Так ведь выяснить любопытно.

– А если результаты вы не узнаете, тогда какой смысл? Хорошо, если затянется. А может, и полный пшик.

– Пшик – он уже через год-два обнаружится.

– Тогда что же?

Кто-то должен. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
– Тогда освищут. Не пожалеют, – почти со сладострастьем сказал Дробышев. – И правильно сделают. Я ведь свою репутацию заложил. Мне под нее поверили. – Он сел на скамейку. Дерево было влажное, холодное. – Вы спросите: зачем пошел на это?.. Как странно – вы, Селянин, уже не знаете, зачем идут на это, все забыли.

– Я тут ни при чем. Напрасно стараетесь. Мало того, что сами вы не уверены, так ведь и других увлекли. И меня хотите. Вас удивляет, как это я не согласен. Вы готовы всех заставить. Сто человек, тысячу. Вы уверены, что осчастливите меня и других. Да, заставить.

– А как, по-вашему, это делается? – услышал Дробышев свой незнакомо тяжелый голос. – Какой ценой? Если надо, то и заставить.

– Жалко мне вас, – сказал Селянин, стоя над ним. – Это и есть рабство. Вы раб, вот какой ценой. Весь этот аскетизм ваш. Вам кажется, это высшее достижение. Вы не замечаете, каким вы стали, Денис Семенович. Потому что нельзя работать за счет жизни. Вы вот хотите меня заставить. А жизнь – это больше, чем работа. Я убежден в этом.

До чего знакомы были его слова. Где Дробышев их слышал? Да это он сам произносил их, давным-давно говорил он Селянину примерно те же слова, жизнелюбец Денис Дробышев, отраженный в овальном зеркале, – чудесный портрет, висящий в прихожей над телефоном, удачно найденная поза – прижимая плечом трубку, вывязывая галстук, доволен собой, хорош...

Наставив на Селянина палец, Дробышев беззвучно засмеялся. Смешно, до чего ж смешно увидеть себя в таком обличье.

Ничего не поняв, Селянин встревоженно огляделся.

– Нет-нет, джемпер в порядке, – успокоил Дробышев. – Брюки тоже. Только лицо исчезло. Пропала физиономия. Вы не волнуйтесь, здоровью это не вредит...

Сперва Селянин испуганно отступил, а потом, соболезнуя, покачал головой.

Перегнувшись через поручни, Дробышев ловил в сплюснутых разводах воды свое отражение. Размытая его фигура как бы выплывала из круговерти, притягивая к себе, хотелось наклониться еще ближе, лицом к лицу...

Где-то рядом за переборками Селянин осторожно раздевался, блаженно вытягивал тело между простынями. Можно было представить, как он дремотно ухмылялся диковинной этой встрече, нелепому поведению Дробышева и от этого еще полнее ощущал прочность защищенного покоя. Сонное дыхание Клавы сливалось с плеском воды, недавние тревоги растворялись, поднимались легкими пузырьками, и он засыпал – нет, отходил ко сну в сладостном сознании своей правоты и победы.

Но как же это могло быть, как он мог чувствовать себя победителем, если Дробышев не чувствовал себя побежденным? И неправым он тоже себя не чувствовал. Но не могут же оба они быть правыми.

Он с силой оторвался от поручней. Пора спать. Заснуть, отвязаться от всех этих вопросов.

Почему два года назад он все знал, на все мог ответить, ни в чем не сомневался...

Зайдя в туалет, он остановился перед стенным зеркалом, поскреб щетинистый подбородок, попробовал согнать морщины со лба, они спустились к губам, окружили рот глубокими складками. Он вгляделся в глаза, пытаясь понять себя через свое отражение. Тот, из глубины зеркала, тоже изучал его. Дробышев нахмурился, взгляды этот был неприятен – казалось, тот, в зеркале, насквозь видит его и все понимает. А вот Дробышев не понимал, не понимал, откуда приближается, как дальняя гроза, чувство свободы и правоты, хотя он был несвободен, и неудачи измучили его, и сколько глупостей, оказывается, он совершил... Но в том-то и штука, что он не мог понять себя через зеркало, потому что там отражался не он. В зеркале был не его двойник. Дробышев даже улыбнулся: у того, в зеркале, дернулся левый глаз, а не правый, и сердце билось справа, а не слева. Они отличались друг от друга. Дробышев существовал сам по себе, и никакие отражения

Кто-то должен. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
в Селянине, в Клаве не могли повторить его. Нигде он не мог увидеть самого себя...
Почему-то это удивило и успокоило его.

В каюте, не раздеваясь, он плюхнулся на койку.

Очнулся он, словно кто-то окликнул его. Спросонок он не сразу разобрал, кто, почему, потом вспомнил, посмотрел на часы – пять. Затекшее, усталое тело молило об отдыхе. Внизу нежно посапывал старичок. Сквозь жалюзи пробивался свет, и вся каюта была в алых полосах. Дробышев заставил себя подняться. Некоторое время он тупо сидел на койке, покачиваясь из стороны в сторону.

Теплоход завибрировал, задрожал, давая задний ход. Дробышев встал, взял портфель, тихонько вышел. Двигался он в полудреме, сложным путем, пока не очутился перед каютой Селяниных. Дверь бесшумно отворилась. Он несколько не удивился, увидев Клаву, и она тоже не удивилась. На ней было накинутое на плечи пальто, селянинские туфли на босу ногу. Молча спустились они на нижнюю палубу.

– Я так и знала.

– Откуда?

– Здесь, в Пирютине, аэропорт.

– Да, да, – сказал он как бы еще во сне.

– Ты домой?

– В Кострому. Там есть заводик, вроде вашего.

– Да, я знаю.

– У меня там ученик один... Может, он посодействует.

Она положила ему руки на плечи, пальто ее распахнулось, открыв голубенькую ночную рубашку.

– А то останься, я уговорю Костю, – сказала она без всякой надежды. Прижалась к нему, и он уткнулся в угол между ее шеей и плечом, окунаясь в тепло.

...Дрожащее тепло речной заводи, нагретых камышей, сладких дудок с бархатистыми коричневыми шишками рогоза.

Припеченный солнцем старинный городок, с городским парком, щелканьем выстрелов в тире, белой церковью на берегу.

...Всего несколько дней. Имел же он право. Нельзя работать за счет жизни... Покой и воля... Кто дал право ему вмешиваться... Хорошо или плохо он сделал... Он хотел остаться – вот чего он боялся. Его тянуло к этой теплой беспечной жизни, к прежней легкости, где все станет опять просто, передать лабораторию можно кому-нибудь из молодых, стать консультантом, вернуться на кафедру, перейти в НИИ, сколько возможностей...

Теплоход задрожал еще сильнее, подваливая к пристани, и вдруг, смолкнув, мягко толкнулся о кранцы.

– Пора, – сказал Дробышев.

Холодный воздух выдул из него остатки сна.

– И так я задержался. Я уже не могу рисковать.

– Я хотела помочь тебе.

Он вдруг увидел ее отдельно, она существовала сама по себе, независимо от его спора с Селяниным, от той игры, которая происходила у Дробышева с ней, была она сама, зябко кутающаяся в пальто, невесть когда ставшая ему близкой.

– Почему, почему все так... – сказала она в отчаянии. Мелкий озноб колотил ее.

Кто-то должен. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
Дробышев виновато пригладил растрепанные ее волосы. От этого прикосновения она заплакала.

– Ну что ты, не надо, – сказал Дробышев. – Кто-то ведь должен.

Она смолкла, не понимая его слов. Он и сам не мог понять их. Что он имел в виду? Кто-то должен заменить того Селянина? Кто-то должен начать окаянную работу над аккумуляторами? Кто-то должен жертвовать, отказываться, быть черствым, не знать ответа...

Устанавливали сходни. По мокрому пирсу, лая, бегала собака. Окна пристани пылали, плавилась от утренней зари.

Стиснув отвороты пальто, Клава заплакала еще горше. Она не стеснялась ни вахтенного, ни пассажиров. Дробышев чувствовал, что плакала она уже не о нем, а о чем-то другом, куда более горьком и трудном. Он неловко топтался подле нее с портфелем в руке, не зная, что делать, готовый от сострадания на все.

– Я останусь, ради бога успокойся...

Она помотала головой и порывисто плечом подтолкнула его к сходням, которые уже втягивали на борт. Дробышев перебежал на пирс.

Не махнув рукой, не оглянувшись, Клава сразу ушла, и Дробышев, постояв, пошел в кассу, узнал, что до аэропорта пять километров, автобус придет через час-полтора и лучше выйти на шоссе проголосовать, а то и просто идти пешком.

Мощная бульжником дорога поднималась на вал. У каменного верстового столба Дробышев остановился. Солнце только взошло, еще красное, огромное. Дали речной поймы с плесами, заливными лугами, лесобиржей – все было окрашено спело-красным светом. Река лежала совсем алой, и по ней, оставляя дрожащий след, медленно выходил на стрежень теплоход. Белые палубы его пустынно сквозили, только у рубки темнела одинокая фигурка. Заслоняясь рукой от солнца, Дробышев тщетно всматривался – все растворял слепящий блеск.

Он знал, что Клава видит его. Можно еще было что-то крикнуть, докричаться в этой солнечной просторной тишине. Он был виноват перед ней, виноват, может быть, больше, чем он знал, но она плакала сейчас не из-за него, и он ничем не мог помочь.

Ясное, без единого облачка небо поднималось над теплоходом. Оттуда, с палубы, Дробышев виделся ничтожной, крохотной мошкой. И собственная жизнь показалась ему такой же крохотной, мгновенной, смысл ее был неразличим. Может, только Клава видела сейчас его таким, каким он, Дробышев, был на самом деле, каким он никогда не может увидеть себя сам.

Теплоход удалялся, таял. Что-то горькое набежало Дробышеву на глаза, но он уже ничего не видел, только едкий до рези блеск. Он не сразу понял, что это слезы. Он пробовал смахнуть их, но они вскипали снова.

«О чем я плачу? – пытался понять он. – Не из-за нее. Ведь это хорошо, что она чувствовала себя несчастной».

Он облизнул губы, ощутил забытый с детства соленый вкус слез.

«Как это хорошо, что я плачу», – подумал он, не в силах объяснить свое мучительное, щемящее и счастливое чувство.

Дорога спускалась к ложбине. В последний раз он оглянулся: река была пуста, посверкивал гранитный верстовой столб, похожий на обелиск, на памятник тем временам, когда верста была расстоянием. Дробышев шагал по мягкой обочине. Болело сердце. Портфель оттягивал руку. Пустынная дорога не предвещала попуток. Он представил себе хлопоты в Костроме, звонки из проходной, смущенную озабоченность своего ученика, питье водки и хитрые разговоры с мастерами, обратный путь поездом, сколько раз ему придется мотаться туда, пока изготовят пластины, и надо еще разместить заказы на измерительные аппараты, добывать реактивы, опять валяться на гостиничных койках, опять упрашивать, доказывать, уклоняться от брагинских интриг...

Кто-то должен. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
Вроде ведь никто не заставлял его делать все это? Почему не кто другой, а именно он, Дробышев, обязан? Какого черта он не может бросить, отказаться, вернуться к прежней, спокойной жизни? Казалось бы, чего легче, казалось, все толкает его к тому, а вот не может... Что же, что мешает ему? Как называется это непонятное чувство, откуда оно пришло, и как это оно вдруг стало главным в его жизни?..
1970

Примечания

1 Счастливы обладающие! (лат.)

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://granikdaniel.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!